

В. М. Коско

Войной опалённая память

В. И. Коско

Войной опалённая память

«Издательские решения»

Коско В. И.

Войной опалённая память / В. И. Коско — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-982749-4

Книга построена на воспоминаниях свидетелей и непосредственных участников борьбы белорусского народа за освобождение от немецко-фашистских захватчиков. Передает не только фактуру всего, что происходило шестьдесят лет назад на нашей земле, но и настроения, чувства и мысли свидетелей и непосредственных участников борьбы с немецко-фашистскими захватчиками, борьбы за освобождение родной земли от иностранного порабощения, за будущее детей, внуков и следующих за ними поколений нашего народа.

ISBN 978-5-44-982749-4

© Коско В. И.
© Издательские решения

Содержание

ВОЙНОЙ ОПАЛЕННАЯ ПАМЯТЬ	6
ПРЕДИСЛОВИЕ	7
ДОВОЕННЫЙ ПЕРИОД	16
ВОЙНА	17
ЭВАКУАЦИЯ	18
НАС НЕ ПОСТАВИШЬ	23
БРИГАДИР МАКЕЙ	23
ГИБЕЛЬ ГАНСА	27
ЛАСТОЧКИ ПРАВДЫ	29
РАССКАЗ ГУРИНОВИЧА	31
СВЕТ НАДЕЖДЫ	33
УПОЛНОМОЧЕННЫЙ ПО ЗАГОТОВКАМ	36
ОБЫСК	40
«... ВСЕ РЕБЯТА ПЛАКАЛИ...»	43
ДЕЛЕЖ КОЛХОЗНОГО ИМУЩЕСТВА	45
В ГРЕССК ЗА ПРАВДОЙ	49
ОБМАН ВО БЛАГО	51
СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛЬ РУДАКОВ	53
МУЖ НЕ ПОГИБ	55
ВРЕМЯ ДЕЙСТВОВАТЬ	60
ПЕРВЫЕ БОЙЦЫ В ЛАГЕРЕ	64
ТАНКИСТ ПАВЕЛ БЫКОВ	69
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Войной опалённая память

В. И. Коско

© В. И. Коско, 2020

ISBN 978-5-4498-2749-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ВОЙНОЙ ОПАЛЕННАЯ ПАМЯТЬ 60-летию освобождения Беларуси от немецко- фашистских захватчиков посвящается

Книга построена на воспоминаниях свидетелей и непосредственных участников борьбы белорусского народа за освобождение от немецко-фашистских захватчиков. Передает не только фактуру всего, что происходило шестьдесят лет назад на нашей земле, но и настроения, чувства и мысли свидетелей и непосредственных участников борьбы с немецко-фашистскими захватчиками, борьбы за освобождение родной земли от иностранного порабощения, за будущее детей, внуков и следующих за ними поколений народа, имя которому – белорусы.

Предназначена для широкого круга читателей, людей, занимающихся военно-патриотическим воспитанием подрастающего поколения, всех, кто интересуется историей родной земли. Написана в 2004 г

ПРЕДИСЛОВИЕ

Природа средней полосы Беларуси прекрасна в любое время года. Особенно же богатой на цветное убранство и величавой проявляет она себя погодливыми осенними днями. Желтизной и багрянцем разукрашивается лиственный лес, привлекая в свою обитель не только любителей тихой грибной охоты, но и всех, кто не прочь пройтись тенистыми, усыпанными золотом листвы тропинками, уходя от оживленных автомагистралей и сутолочных городов в царство природы, постепенно углубляясь в собственные думы и воспоминания.

Немало дум и размышлений приходит в такие минуты в голову ветерана труда Владимира Иосифовича Коско. Любит он свой край, свою Родину, ее природу и ее людей, много хранится в памяти этого человека воспоминаний, есть о чем подумать.

Вот идет он тенистой лесной тропинкой, оглядывает окрестности деревни Гресск, этот, такой знакомый и в то же время совершенно иной лес. Здесь, казалось бы, прошли детство и юность, а вокруг все заметно изменилось: поднялась поросль молодых кленов, берез и осин и только кряжистые вековые дубы, кажется, остались такими же, какими были и десять, и двадцать, и шестьдесят лет назад.

Свидетелями скольких событий стали эти мощные долгожители, сколько людских судеб пролетело в течение их спокойной, размеренной жизни, сколько исторических эпох сменилось? А ведь имей они такую возможность, то немало интересного порассказали бы о жизни близлежащей деревни Гресск, что находится в Слуцком районе Минской области. О многих поколениях ее обитателей, об их судьбах.

Ныне деревня является центром сельского совета и колхоза. По данным последней переписи она насчитывала 822 двора и 2309 жителей. Это сейчас, а ведь известен Гресск с начала 16 столетия, когда наш сегодняшний дуб-богатырь был всего лишь крепким коричневым желудем.

Как свидетельствует энциклопедия Беларуси, с 1536 года деревня принадлежала польской королеве Боне, затем Алелькевичам, Володковичам, Радзивилам.

«В середине XVI столетия, – пишется в солидном академическом издании, – центр войтовства. С 1590 года в Слуцком княжестве: местечко, 68 дворов, мельница, церковь. С 1793 года в составе Российской империи. В 19 – начале 20 вв. центр волости Слуцкого повета.

В 1885 году Гресск насчитывал 122 двора, 1068 жителей, имел школу, церковь, 3 ветряные мельницы, рынок. В 1924—31 деревня являлась центром сельского совета в составе Гресского района Слуцкого, а позже (с 9 июня 1927 года по 26 июля 1930 года) Минского округа с центром в деревне Грозоз. Район по состоянию на 1925 год имел площадь 1069 км², включал 288 населенных пунктов, разделенных на 10 сельских советов с населением в 33992 человека, район входил в состав Минского округа. Реорганизован

8 июля 1931 года. Территория вошла в состав Копыльского, Пуховичского и Слуцкого районов.

Гресский район вновь был образован 12 февраля 1935 года с центром в деревне Гресск. Воссозданный район имел площадь 1000 км², 151 населенный пункт, входивший в 15 сельских советов. С 21 июня 1935 года в составе Слуцкого округа, с 20 февраля 1938 по 8 января 1944 г. в составе Минской, с 20 сентября 1944 года Бобруйской областей. Гресский район реорганизован 17 декабря 1956 года, а его территория вошла в состав Копыльского, Пуховичского, Слуцкого и Узденского районов.

В 1931—35 гг. и с 1956 года д. Гресск – центр сельсовета в Слуцком районе.

Вряд ли помнит старый кряжистый дуб годы правления польской королевы Боны и Алелькевичей, но годы правления Володковичей и Радзивиллов – это уже на его памяти. Не один раз пролетала под его кроной кавалькада именитых людей, преследующих стадо диких

кабанов, или загоняя громилу-медведя. Нынешние жители Гресска вряд ли помнят времена, когда бурые хозяева леса водились в этих местах. Но так было, и свидетельством тому являются страницы исторических хроник да пожелтевшие фотографические снимки начала прошлого века.

Немало событий познала эта земля с времен ветхой древности до наших дней. Знала она и времена упорного кропотливого труда местных людей, облагораживавших и обогащавших родные края, знала и кровавые периоды, когда бывшие пахари брали в руки оружие, чтобы защитить свою землю от разного рода охотников до чужого добра.

Вот какими знатными трофеями могли порадовать знатных охотников леса в окрестностях Гресска в начале прошлого века.

А это добыча гресских охотников в 1964 году. После войны в бывшей партизанской зоне.

Имей дуб-великан возможность говорить, но, наверное, рассказал бы, что во время Великой Отечественной войны деревня Гресск была частично сожжена. Здесь под руководством Гресского подпольного РК КП (б) Б в июле 1941 – июне 1944 гг. действовало Гресское патриотическое подполье, организатором и руководителем которого был В. И. Заяц. Подполье объединяло 80 человек в составе 4 групп: в больнице деревни Гресск (руководитель Ю. Г. Войчик), деревнях Староселье (руководитель А. В. Водопьян), Гацук (руководитель Заяц), Селецк (руководитель И. И. Коско). Подпольщики вели среди населения агитационно-массовую работу, распространяли сведения Совинформбюро, передавали партизанам данные о передвижении вражеского транспорта и живой силы противника, предупреждали о планировавшихся карательных операциях оккупантов, повреждали кабели телефонной связи, сожгли несколько мостов на шоссе на дорогах, пустили под откос вражеский эшелон, разгромили опорный пункт фашистов в деревне Вобчае, захватили обоз с продуктами и переправили партизанам.

Но молчат дубы-великаны, и только следы-впадины на месте бывших землянок, да глубокие шрамы полузасыпанных траншей и окопов напоминают как о событиях ветхой древности, так и о тех, что имели место на этой земле в годы Великой Отечественной войны.

Владимир Иосифович указывает на заросшую лесной травой, усыпанную пожухлой иглицей яму.

– Здесь находилась партизанская землянка и размещался штаб партизанского отряда, – говорит он.

Немалый урон нанесли народные мстители фашистским захватчикам за годы войны, не один незванный гость лег в нашу землю, что бы и другим гостям подобного рода неповадно было идти с мечом в наши края.

Шелестит под ногами опавшая листва, спокойно взирают с высоты своих крон на пожилого человека величавые дубы и медноствольные сосны – молчаливые свидетели развивавшихся здесь событий. Но рассказать обо всем, чем были они свидетелем этим прекрасным созданиям природы, к сожалению, не дано. Это могут сделать только люди.

В этих местах дислоцировался партизанский отряд. Густо засеяло время растительностью тропы, по которым перемещались народные мстители. Этих троп-дорожек сейчас, пожалуй, и не найдешь, и только там, где находились теплые партизанские землянки, до наших дней

Мало осталось среди нас тех, кто был реальным участником пронесшихся над нашей землей шестьдесят лет назад событий. По крупицам собирал и обобщал их воспоминания неутомимый труженик и равнодушный человек, каким является Владимир Иосифович Коско. Сам он по причине малолетства не мог стать в ряды защитников Отечества, но являясь сыном руководителя подпольной группы сполна хлебнул военного лиха, не понаслышке знает, что такое голод и холод военного времени.

Являясь активным участником военно-патриотической работы по воспитанию подрастающего поколения в духе патриотизма и верности родной земле и своей Родине, В. И. Коско частый гость учащихся минского ГПТУ №23. Здесь, во многом благодаря прекрасному педагогу-историку Вере Иосифовне Юше был создан и действует музей партизанского отряда Градова-Ваупшасова. В музее собираются бывшие партизаны и подпольщики, рассказывают ребятам о своих военных буднях, о том, что довелось пережить белорусскому народу в годы немецко-фашистского ига. Ведь, захватив территорию Беларуси, гитлеровцы установили здесь оккупационный режим, так называемый «новый порядок», целями которого были не только ликвидация советского государственного и общественного строя, но и грабеж природных ресурсов республики, ее национальных богатств.

В. И. Коско выступает перед бывшими партизанами и подпольщиками в музее отряда Градова-Ваупшасова в ГПТУ №23.

Многие из ветеранских воспоминаний легли в основу этой книги. Построенная на памяти людей, она прекрасно передает не только фактуру всего, что происходило шестьдесят лет назад на земле бывшего Гресского и смежных районов Минской области, но и настроения, чувства и мысли свидетелей и непосредственных участников борьбы с немецко-фашистскими захватчиками, борьбы за освобождение родной земли от иностранного порабощения, за

будущее детей, внуков и следующих за ними поколений народа, имя которому – белорусы.

Выступая перед ребятами, ветераны и В. И. Коско всегда стараются показать, что по отношению к населению нашей республики фашистский «новый порядок» обернулся режимом невиданного геноцида, террора и насилия. Так, в соответствии с планом «Ост» захватчики предполагали оставить в Беларуси только 25% жителей для использования в качестве рабочей силы. Остальные 75% людей подлежали уничтожению или высылке. Национал-социалист Гитлер руководствовался при этом теорией о расовом превосходстве немцев, необходимости расширения для них жизненного пространства и правомерности эксплуатации ими других народов.

На территории Беларуси действовало более 260 лагерей смерти, их филиалов и отделений. Только в Тростенецком лагере смерти под Минском было уничтожено 206500 человек. Это больше, чем в любом другом подобном лагере во время второй мировой войны, кроме Освенцима, Майданека и Трешлинка.

Ну, неужели, услышав эти страшные цифры из уст непосредственных участников борьбы с фашизмом на белорусской земле, кто-то станет верить отдельным зарвавшимся идеологам, говорящим, будто не оказывал наш народ сопротивления оккупантам, сдайся он на милость врагу, то жили бы мы ныне значительно лучше и богаче. Нет, не станет, если не является, человеком глупым и недалеким.

Анализ архивных материалов, многочисленных книг-мемуаров, научно-исторической литературы показывает, что борьба населения Беларуси против захватчиков началась сразу же после оккупации. Она заключалась не только в невыполнении установленных оккупантами порядков, но и в оказании вооруженного сопротивления врагу. Партизанские отряды и группы создавались как из местного населения, так и из военнослужащих, попавших в окружение.

В первые недели войны начальнику генерального штаба сухопутных войск Германии доносили, что обеспечению группы армий «Центр» мешает «разрушение партизанами железнодорожных путей». В ответ в июле-августе 1941 г. немцы провели карательную акцию под названием «Припятские болота», в ходе которой было убито почти 14 тыс. человек, в основном мирных жителей. В трудных условиях зимы 1941—1942 гг. продолжали действовать 200 партизанских отрядов и групп.

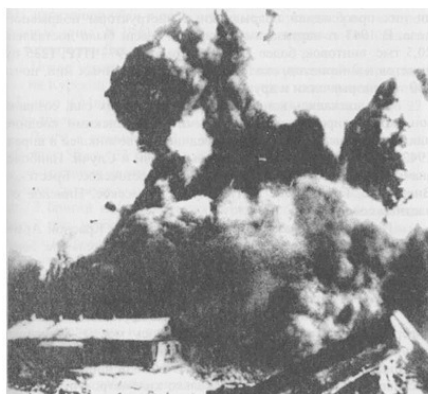
Фашистские захватчики в одном из оккупированных селений.

Разгром немцев под Москвой не только вселил оптимизм в тех патриотов, которые уже вели борьбу, но и содействовал росту рядов народных мстителей. Весной-летом 1942 г. партизанское движение в Беларуси получило дальнейшее развитие.

В результате боевых действий партизан от оккупантов освобождались значительные территории, на которых создавались свободные партизанские зоны. В Октябрьском районе такую зону контролировал гарнизон Ф. Павловского в составе 13 отрядов (более 1300 человек).

Центром партизанского движения в Могилевской области стал Кличевский район. 20 марта 1942 г. партизаны после напряженного боя взяли районный центр Кличев. С апреля 1942 г. в Кличевской зоне действовал отряд В. Ничипоровича, бывшего командира 208-й стрелковой дивизии. По его инициативе было проведено совещание командиров отрядов, создан оперативный центр по руководству объединенными силами. В сентябре 1942 г. в подчинении оперативного центра было 17 отрядов, объединявших три тысячи человек.

В январе 1943 г. численность белорусских партизан превысила 56 тыс. человек. 220 отрядов были объединены в 56 бригад. 292 отряда действовали самостоятельно. Партизанский резерв в это время составлял более 150 тыс. человек.

Война несла смерть и разрушения.

С сентября 1942 г. стал действовать Белорусский штаб партизанского движения. Это сыграло положительную роль в улучшении руководства партизанским движением, обеспечении его необходимым вооружением, снаряжением и т. п. Только созданная ЦК КП (б) Б Северо-Западная группа по оперативному руководству партизанским движением переправила в Беларусь 1250 винтовок, 630 автоматов, свыше 400 пулеметов, 138 противотанковых ружей, 280 минометов, 18 тыс. гранат и др.

Из-за линии фронта в Беларусь направлялись специально подготовленные группы, которые комплектовались преимущественно из белорусов. В течение 1943 г. из советского тыла прибыло 13 партизанских отрядов и 111 организаторских и диверсионных групп общей численностью почти 2 тыс. человек. Среди них преобладали подрывники и инструкторы подрывного дела. В 1943 г. партизанам с Большой земли было доставлено 20,5 тыс. винтовок, более 11 тыс. автоматов, 973 ПТР, 1235 пулеметов и минометов, около 100 тыс. диверсионных мин, почти 400 тонн взрывчатки и другого вооружения.

Продолжались концентрация партизанских сил, создание зон, контролировавшихся крупными партизанскими соединениями. Любанско-Октябрьское соединение, возникшее в апреле 1942 г., контролировало междуречье Птичи и Случи. Наиболее значительными были Барановичское, Белостокское, Брестское, Вилейское, Гомельское, Могилевское, Полесское, Пинское областные соединения.

Налаживалось взаимодействие партизан с Красной Армией. Летом 1942 г., когда шли тяжелые оборонительные бои в районе Сталинграда, Центральный штаб партизанского движения (ЦШПД) обратился к партизанам Беларуси с призывом срывать переброску резерва врага, уничтожать воинские эшелоны.

Партизаны ответили на этот призыв крупными боевыми и диверсионными операциями. Подрывались мосты, уничтожались железнодорожное полотно и линии связи. Бригада С. Короткина, например, 29 августа 1942 г. за ночь при помощи 250 местных жителей разобрала несколько километров пути. В результате железнодорожная линия Полоцк-Витебск не действовала 6 суток.

Немецкое командование вынуждено было выделять значительные силы на борьбу с партизанами. В мае-ноябре 1942 г. фашисты провели 40, а в 1943 г. более 60 крупных карательных операций против партизан и населения с применением самолетов и танков. Всего за годы оккупации немцы провели 140 таких операций. Они отличались исключительной жестокостью: гибли тысячи людей, горели белорусские города, поселки и деревни.

Трагическую судьбу Хатыни, все жители которой были заживо сожжены карателями, разделило 627 населенных пунктов

Беларуси. Если бы не широкое всенародное сопротивление партизан и подпольщиков, последствия злодеяний фашистских захватчиков были бы еще более ужасными.

Партизаны сдерживали отряды карателей, давая возможность населению уйти в леса, а то и не допускали врага в определенные зоны. В 1943 г. под контролем партизан находилось 60% территории Беларуси.

После успешного завершения Сталинградской битвы, победы на Курской дуге численность партизан стала увеличиваться. Только в Минской области в 1943 г. в их ряды вступило 22 тыс. человек.

Всего в течение 1943 г. количество народных мстителей возросло с 56 до 153 тыс. человек, то есть в 2,7 раза. С целью распространения партизанского движения и на западные области Беларуси сюда к зиме 1943—1944 гг. боевыми рейдами прошли 12 бригад и 14 отдельных отрядов общей численностью около 7 тыс. человек. В результате число партизан в западных областях возросло до 37 тыс.

Существенной составной частью всенародного сопротивления оккупантам явилось антифашистское подполье. В подпольной деятельности участвовало более 70 тыс. белорусских патриотов.

Становлению и развитию подполья способствовал тот факт, что накануне оккупации партийно-советские органы подготовили и оставили законспирированными группы организаторов подпольной работы, определили явки, виды их связи и т. д.

В 89 районах были оставлены подпольные партийные органы в виде райкомов, групп, троек, как правило, во главе с партработниками. Всего для нелегальной работы в тылу врага осталось 8500 коммунистов, 73 руководящих комсомольских работника. Почти все они сразу же приступили к политической и диверсионно-боевой деятельности.

Это выражалось в саботаже мероприятий оккупационных и тетей, антифашистской пропаганде, распространении листовок, во взрывах складов, коммуникационных и производственных объектов.

Уже в последние дни июня 1941 г. в Минске были созданы первые подпольные организации, объединившие свыше 9 тыс. жителей столицы представителей тридцати национальностей. За годы оккупации подпольщики вывели из города в партизанские отряды более десяти тысяч семей минчан, в том числе около тысячи семей смертников из минского гетто.

Бойцы-партизаны отдыхают.

В борьбе с захватчиками гибли целые семьи подпольщиков. Так, погибли семьи Щербачевичей, Герасименков, Сосиных, Цветковых, Янушкевичей, Клумовых, Корженевских и др. Диверсия на Минском железнодорожном узле в декабре 1941 г., во время боев под Москвой, снизила его пропускную способность почти в 20 раз. В Гомеле подпольщики взорвали ресторан с находившимися там немецкими офицерами. В Оршанском железнодорожном депо активно действовала группа

К. Заслонова. Ею было выведено из строя разными способами несколько десятков паровозов и неоднократно парализовывалась работа станции.

Большое внимание уделялось морально-политической работе среди населения в тылу врага. В январе 1942 г. в Минске было налажено издание периодического листка «Вестник Родины», газеты «Патриот Родины», листовок. К концу года в Беларуси издавалось около 20 подпольных газет. В мае 1942 г. было налажено издание газеты «Звезда» – органа Минского городского подпольного комитета КП (б) Б. Редактировал ее В. Омелянюк (погиб 26 мая 1942 г.).

Массовым тиражом в Беларусь доставлялись газета «Савецкая Беларусь», агитплакат «Раздавим фашистскую гадину!», фронтовая газета «За Савецкую Беларусь». 1 января 1942 г. начала работать радиостанция «Советская Белоруссия». 18 января 1942 г. в Москве был проведен антифашистский митинг белорусского народа, который транслировался по радио. На митинге выступили писатели М. Танк, К. Чорный, секретарь ЦК комсомола С. Притыцкий и др.

В марте-апреле 1942 г. в Минске немцы арестовали более 100 подпольщиков, в том числе и несколько членов подпольного горкома партии. 7 мая 1942 г. был нанесен новый удар по подполью, в результате чего погибли сотни патриотов, в том числе секретари подпольного горкома и райкомов КП (б) Б.

Но сопротивление продолжалось. 21 октября 1942 г. более чем в 300 местах г. Минска были расклеены листовки с призывом бить оккупантов. Вскоре были сформированы новый подпольный горком КП (б) Б и его филиалы. Всего в рядах минского подполья боролись свыше 9 тыс. человек, в том числе более тысячи коммунистов и двух тысяч комсомольцев. За время оккупации ими было проведено более 1500 диверсий. Подпольщики разработали и осуществили акцию по ликвидации фашистского палача, генерального комиссара Беларуси В. Кубе.

В Витебске в 1941—1942 гг. действовало 56 подпольных групп. С весны 1942 г. на железнодорожной станции Оболь Витебской области действовала подпольная комсомольская организация «Юные мстители» в составе 40 человек. Молодые патриоты совершили 21 диверсию. Активным было подпольное движение в Борисове, Орше, Жлобине, Мозыре, Калинковичах и других населенных пунктах. 30 июля 1943 г. подпольщики Осиповичей совершили одну из самых крупных диверсий второй мировой войны – уничтожили 4 эшелона с военной техникой, боеприпасами, горючим. Один из этих эшелонов был загружен танками «Тигр».

Антифашистские организации действовали и в западных областях Беларуси. В мае 1942 г. на базе антифашистских групп Василюшковского, Щучинского, Радунского, Скидель-

ского районов был создан «Окружной белорусский антифашистский комитет Барановичской области». Он объединял 260 подпольщиков.

В Брестской области в это время был создан «Комитет борьбы с немецкими оккупантами». Более 400 человек насчитывали подпольные организации Гомеля. Их деятельностью руководил оперативный центр. В Могилеве более 40 подпольных групп объединились в «Комитет содействия Красной Армии».

Свои, пускай скромные, но от этого не менее ценные страницы вписали в историю освобождения Беларуси от немецко-фашистских оккупантов и те люди, речь о которых пойдет в данной книге.

Да, богата на цветное убранство и величава природа средней части Беларуси погодыными осенними днями. Молчит расцвеченный желтизной и багрянцем Гресский лес. Шелестит под ногами опавшая листва. Идет по ней Владимир Иосифович Коско и увлеченно рассказывает собеседнику о своих односельчанах, о семьях патриотов, сражавшихся здесь с оккупантами в годы войны, о судьбах бывших подпольщиков и партизан, их детях, многие из которых ныне сами имеют детей, внуков, а то и правнуков.

Шелестит листва, мерно течет беседа. Вдруг Владимир Иосифович останавливается и говорит:

– А знаете, я вот думаю, что такое подвиг. На мой взгляд, если человек даже не совершил ничего героического, но во время оккупации не встал на колени, не смирился с положением раба, а рискуя жизнью, как мог противостоял ему, – это уже подвиг. И нельзя, чтобы имена таких людей предавались забвению, о них нужно помнить всегда.

Сам Владимир Иосифович четко помнит эти имена и высказывает слова сердечной признательности всем, кто сделал пускай скромный, но вклад в дело создания этой книги, кто ради светлой памяти своих односельчан, не вставших на колени перед жестоким и кровожадным врагом, поделился не только воспоминаниями, нашедшими отражение на страницах данного издания, но и личными сбережениями. Он называет имена книгоиздателей Леонида Куприяновича и Анны Борисовны Бочкаревых. Светланы Леонидовны Жуковой, своего односельчанина, сына подпольщика А. П. Цвирко Михаила Антоновича Цвирко, участницу подпольной и партизанской борьбы Лидию Яковлевну Дубровскую, детей партизан и подпольщиков – Марию Иосифовну Подоляко, Галину Ивановну Бизюк (Корзун), Александра Леонидовича Гуриновича, Раису Петровну Курьянович. партизанских связных Георгия и Евгения Далидовичей, Александра Афанасьевича Кульпановича. руководителей Пуховичского райисполкома Юрия Павловича Васильева и других. Большое человеческое спасибо говорит Владимир Иосифович сотрудникам национального архива Беларуси, всем, кто оказал посильную помощь в сборе и обработке материалов этой книги.

Сын бесстрашного подпольщика А. П. Цвирко Михаил Антонович Цвирко ныне директор одного из институтов, кандидат технических наук.

Все они сохранили добрую и светлую память о борьбе простых белорусских людей с фашистскими захватчиками, морально и материально поддержали работу над изданием книги.

*Н. П. Чепиков,
член Союза журналистов Беларуси.*

ДОВОЕННЫЙ ПЕРИОД

Несмотря на подписание 23 августа 1939 г. пакта о ненападении, вошедшего в историю как пакт Молотова – Риббентропа, советское правительство не могло не знать о неизбежности войны с фашистской Германией. Именно этим обстоятельством объясняется принятие в предвоенные годы определенных мер по укреплению экономического и военного могущества страны.

Однако полностью завершить подготовку к обороне не удалось. Наряду с этим, партийно-государственным и военным руководством СССР были допущены серьезные просчеты в оценке внешнеполитической и военно-стратегической ситуации. Войска приграничных округов не были приведены в должную боевую готовность. Несмотря на концентрацию немецких войск на границе, И. В. Сталин и его окружение игнорировали многочисленные аналитические и разведывательные данные о готовящемся нападении и делали все, чтобы, как они считали, не спровоцировать нападение Германии на СССР.

На боеспособности Красной Армии отрицательно отразились массовые репрессии против военных кадров в конце 30-х – начале 40-х годов. Накануне войны только 7% командиров имели высшее военное образование, а 37% не прошли полного курса обучения даже в средних военных учебных заведениях. В некоторых случаях дивизиями командовали капитаны, потому что все более опытные старшие по званию офицеры были арестованы.

ВОЙНА

22 июня 1941 г. немецко-фашистские захватчики вторглись на территорию нашей Родины, началась Великая Отечественная война народов Советского Союза за свою свободу и независимость.

Гитлеровский содаты – покорители Европы

Германия к началу войны, опираясь на экономический потенциал почти всей Западной Европы, располагала огромной военной мощью. Разрабатывая планы нападения, правители Германии преследовали цель ликвидировать советское государство, распространить свое влияние на захваченные территории, уничтожить миллионы людей. По плану «Барбаросса», разработанному штабом оперативного руководства вооруженными силами Верховного главнокомандования и принятому в ставке фюрера 18 декабря 1940 г., они рассчитывали еще до наступления зимы разгромить основные силы Красной Армии и победоносно закончить войну. Гитлер самоуверенно заявлял, что с Советским Союзом будет покончено в течение шести, а может быть, и трех недель.

Учитывая внезапность нападения и численное превосходство противника, на всем фронте от Балтийского до Черного морей Красная Армия вынуждена была отступать и нести тяжелые потери. Исключительно тяжелые бои развернулись с первых же дней войны на территории Беларуси.

Как свидетельствуют исторические источники, придавая первостепенное значение наступлению своих армий в направлении Минск – Смоленск – Москва, германское командование против 46 дивизий Западного особого военного округа бросило группу армий «Центр» в составе 50 дивизий.

В первые же часы вторжения немецкая авиация подвергла массированным бомбовым ударам места расположения советских войск, аэродромы, железнодорожные узлы в Белостоке, Бресте, Барановичах, Волковыске, Гродно, Лиде, Пинске и других городах. На приграничные населенные пункты в одночасье обрушились десятки тонн смертоносного металла, извергнутого стволами дальнобойной артиллерии.

Этим шквальным огненным смерчем в первый же день войны на Западном фронте было уничтожено 738 самолетов (из них 528 на земле), что составило 38% всех боевых машин военно-воздушных сил Западного фронта.

ЭВАКУАЦИЯ

С началом Великой Отечественной войны Гресский райком партии дал указание эвакуировать на Восток все ценное имущество сельсоветов и колхозов. Председатель Селецкого сельсовета Иосиф Иосифович Коско (на снимке) в эти дни практически не появлялся дома, находился в сельсовете днем и ночью, отдыхал мало, поднимал весь актив на выполнение задания партии.

Готовилась к отправке в тыл колхозная техника, формировались стада скота, из числа надежных людей назначались сопровождающие скота, грузов и ценностей – ничто не должно было попасть врагу. То, что нельзя было увезти, пряталось в тайники, зарывалось в землю, увозилось в лес в укромные места.

И. И. Коско.

На третий день войны в сельсовете Иосиф Иосифович собрал свой актив: секретаря Ивана Гуриновича, ветфельдшера Константина Варивончика, депутата Марию Курьянович, председателя колхоза Савелия Прановича, бригадира Степана

Курьяновича, активистов коллективизации Курьяновичей: Исаака, Петра, Апанаса, тракториста Рухлевича, заведующего складом Михаила Ревтовича и других.

О начавшейся войне знали все. Ждали последних указаний своего председателя.

– Враг огнем и мечом пробивает себе дорогу, скоро будет у нашего порога. Народное добро не должно достаться фашистам. Все вывезти мы уже не успеем. Необходимо разбирать и прятать. Хочу знать ваше мнение? – кратко изложил проблему Иосиф Иосифович.

– Враг дальше не пройдет, его остановит Красная Армия. – горячо возразил Константин Варивончик, давнишний друг председателя.

– Обломают фашистам рога. Это точно, – поддержал его Рухлевич. – Нет, браток! Надо правде смотреть в глаза. Враг приближается к Слуцку. Районные партийные и советские органы готовят все к эвакуации. Такова директива. Завтра – послезавтра фашисты будут здесь. Вместе будем отходить с частями Красной Армии. Но враг приходит и уходит, а отечество остается. Причем, отступая назад, он едва волочит ноги. История знает много примеров. И не только история, а наши предки помнят нашествия французов, поляков, немцев – этих непрошенных гостей. Но чем они кончились, всему миру известно. Этот же вооруженный фашист отличается особым коварством, захватил уже половину Европы, – как мог ориентировал председатель сельсовета свою надежную дружину.

Разве могли подумать тогда эти мирные труженики, что вскоре прольется кровь их родных и близких односельчан, а некоторые из присутствующих отдадут свои жизни за родную землю и Отечество.

Зазвонил телефон. Из Гресска председатель райисполкома Русак сообщал, что через пару дней будет в Селецке. Требовал поторопиться и быть готовыми.

Поняли сложившиеся обстоятельства и все остальные.

К. Варивончик с другом.

– Срочно рыть ямы, землянки в лесу, стены делать из бревен и досок и все, что можно зарывать в землю, – предложил Савелий Пранович, зная, что такие запасы понадобятся в любой момент.

– Можно часть добра раздать людям по нашему усмотрению, – советует Ревтович.

– Тем более, сделать это надо с учетом отработанных трудодней, которые так или иначе намечалось осенью отоваривать, – уточнил он свое предложение.

– Хорошие, верные советы даете, товарищи, – согласился председатель сельсовета. Но времени в обрез. Начнем с техники. Ты, Владимир, по механизмам у нас непревзойденный мастер, – обратился он к Рухлевичу. – Бери молодых помощников и за работу. Подготавливайте к отправке машины.

Грузите дефицитные детали. Трактора разбирайте, части прячьте в тайниках.

– Прогоним и этих татар. Быть не может. Заведем трактора и снова на наше поле, – не унимался Рухлевич, веривший в скорую победу.

В. Д. Рухлевич.

– Если будем живы, – вздохнула Мария Курьянович.

– Савелий, Степан, дядька Исаак. подбирайте надежных людей и за работу. Где, по вашему мнению, будем готовить тайники и хранилища?

Прервал тревожные мысли Иосиф Иосифович.

– В одном месте их располагать не следует. Если обнаружится один тайник, то останутся другие. Есть укромные места возле деревень Замошье, Туры, – немного подумав, сказал Степан.

– Согласен. Можно также и в урочище «Поддера», возле деревни Борцы. Все эти места я отлично знаю. Густые заросли сосны и ели, места надежные, высокие. Следует обеспечить хорошую маскировку. Обо всем должен знать только узкий круг людей...

Кое-что успели сделать. Однако все задуманное осуществить не удалось. К тому же стало известно, что отдельные лица намерены встретить врага хлебом – солью...

Враг находился рядом. Отходили с боями наши красноармейские части. Возвращались из Слуцка ушедшие на призыв местные мужчины. Город бомбили вражеские самолеты, в отдельных местах высадился десант.

Тревожные вести приносили из Слуцка. Мобилизоваться не удалось. Авиация врага не щадила ни школ, ни больниц, ни детских учреждений. Был нанесен бомбовый удар и по бане, где проходили санобработку призывники. Многие погибли. Сброшенный десант отрезал пути отхода из Слуцка советским и партийным учреждениям.

Фашистская армада наседала с Запада. С трудом пробирались из окружения группы красноармейцев, бойцы одиночки, необученные призывники. Положение выручали большие лесные массивы, болотистая местность, в которых хорошо ориентировалось местное население. Центральные дороги были перерезаны моторизованными фашистскими частями.

Через леса и болота доносились тревожные вести о кровавых злодеяниях фашистов. Родственник из-под Слуцка доставил на лошади домой в деревню Борцы Павлика Жуковского, так и не успевшего мобилизоваться.

– Нашу группу начали стричь, – рассказывал он, – и тут налетели самолеты. Смешалось все. Гибло все живое, Фашист не щадил ни детей, ни женщин, ни стариков.

Через день приехали работники Гресского райкома и райисполкома.

– Решено идти на восток, с частями Красной Армии. Получать оружие и обмундирование и драться с врагом в регулярных частях, – отдает распоряжение председатель райисполкома Русак.

Завершается загрузка машин. Забирается все ценное оборудование и запчасти автомобилей, которые оказались не на ходу. Многие детали разобранной техники Рухлевич и Саковы сыновья надежно припрятали, чтобы не достались врагу. Необходимо было погрузить еще несколько сейфов с документами, но машины были заполнены до отказа.

– Возможно, оставить радиоприемник, батареи совершенно сели? – спрашивает Русак.

– Надо оставить, – соглашается Иосиф Иосифович, – здесь он будет очень кстати. Отдать его нужно Владимиру Рухлевичу. Он – спец на все руки. Мигом его оживит. Цацак у него всевозможных хватает в мастерской. Рухлевич, да еще Николай Далидович – лучшие механики у меня на весь сельсовет. Не только трактор исправят, но и пушку осилят, если понадобится. Радиоприемник им нужен, – будут слушать сообщения из Москвы и людям рассказывать. Собирались нашему механизатору новый дом построить, но вот фашист не дал, – добавил председатель сельсовета, передавая приемник Рухлевичу.

– Ничего. Разобьем фашиста, каменные дворцы возводить будем, и Владимиру отдельный построим, двухэтажный, – разогнал горькие мысли председатель райисполкома Русак.

– А может, поедешь с нами, с Красной Армией? – неожиданно задал он вопрос Рухлевичу.

– Детишки совсем маленькие. Жена одна не продержится. Землю кому-то пахать все равно надо, – логично рассуждал тракторист. – Своего стального коня буду водить по полям, как и раньше. Главное, что бы его заправлять было чем. Иосиф Иосифович крепко заботился о работе механизаторов. Топливо всегда было. Как сейчас оно будет, бог его знает? – развел руками Рухлевич.

О. А. Коско.

Как вспоминала впоследствии Ольга Алексеевна Коско (на снимке): – Кто мог в то время предполагать, как поведет себя враг. Воевали наши деды и прадеды, рассказывали своим детям и внукам об особенностях войн, но о жестокостях по отношению к мирному населению, какого делали гитлеровские захватчики, примеров особых не было. И сама я видела немцев еще в Николаевскую войну, как тогда называли первую империалистическую.

Ну, немцы, как немцы, что-то шпрехают по своему. И смеяться и пошутить умели, даже танцам нашим учились на вечеринках. Но захватчик – всегда враг, а врага свободолюбивый народ не потерпит, во что бы то ни стало, изгонит со своей священной земли.

Вот с такими неопределенными предположениями и мыслями оставались многие на своих местах в ожидании непрошенных гостей.

Серьезный разговор был и у меня с мужем.

Уезжаем всей семьей и мы, забираем детей и на восток, – таким он видел выход и спасение семьи.

– Ты что? В белый свет с кучей детей? – колебалась я.

– Погибнем в дороге.

– Семья может погибнуть именно здесь, а не в дороге. Фашисты не пощадят семью коммуниста, – настаивал он. Я не решалась. Не могла себе представить скитальческой жизни. А разве мало я ее пережила в молодые годы, когда семья моих родителей кочевала по чужим хатам, арендуя чужую землю?

Но то были скитания в своей местности, где, как говорится, каждый кустик тебя знает и ночевать пустит. А здесь требовалось решиться на большее. Кому же оставить свое имущество, которым начали понемногу обживаться? А скот: корова, свиньи, куры? Как они будут без своей хозяйки? А, главное, как мы будем жить? В то же время я понимала, чем может обернуться наша судьба под пятой оккупантов. Слухи шли неутешительные. Будь ты проклят, фашист! Что ты наделал!

Уезжать я отказалась. – Бейте фашистов, возвращайтесь с победой, – сказала я на прощание своим отступающим большевикам. Остаюсь не одна со своей семьей. Таких сотни. Вот вижу, Петр Лукич ведет машину, а его Агапа и семеро детей с нею остаются дома. Будем совместно держаться, будем на месте бороться с иноземным игом.

Разные рассуждения имели место в тот период. О многих из них сегодня горько вспоминать. Встречаю я в то время жену председателя колхоза «Первомай» Козичиху и спрашиваю: «А что, Степан твой разве не уходит с Красной Армией?» – председатель сельсовета и Русак заезжали за ним в деревню Ямное.

– А что ему уходить? – отвечает. – Это ваши натворили дел, наломали дров, вот им-то и опасно оставаться. А моему-то чего бояться? – спокойно рассуждала она.

– Как же так? Он же ведь председатель колхоза. Коллективизацию вместе со всеми проводил. Активист. В кандидатах ходит.

– Но кто же я, голубушка, ты видно забыла? – напомнила она свое кулацкое происхождение.

Я, конечно, знала, что ее родители сосланы за Урал. Но причем здесь она, если муж связал себя крепко с советской властью. Забегая вперед скажу, что советского патриота Степана Козина каратели казнили, увезли в Щитковичи, поломали позвоночник, руки, ноги. За подпольную деятельность, за помощь партизанам, за защиту своей Родины. Ничто не помогло: ни кулацкое происхождение, ни слепые рассуждения и надежды. Люди имели дело с фашистскими извергами.

...Машины уехали с нашими защитниками. Дальше на Восток с боями отходили красноармейские части. Один на один перед врагом и неизвестностью остались многие советские семьи. Но что было делать немцам в нашей глубинке? Здесь достаточно было их подпевал. Их уже распирало от радости. В глазах уже не скрывалось торжество и ликование. Но заведенный

советской властью часовой механизм на селе еще действовал. Народ, как и прежде, выходил на работу на колхозные поля. Колхозы и совхозы еще сохранялись. Руководили оставшиеся председатели, агрономы, бригадиры. Люди исправно несли свои службу: косили, убирали урожай, пахали, сеяли. А как же? Есть нужно при любой власти. Крестьянин привык трудиться.

Но вскоре оккупационные порядки докатились и до нас. Враг был вокруг. Чужеземцы осели в районах, городах и селах. Назначили свои оккупационные грабительские власти. Опуститься до черновой работы? Нет! Это не для арийской чистой расы. Для этого есть рабы. Они ведь с этой целью протопали половину Европы. Обманом и провокациями, хвастливой пропагандой и обещаниями хотели закабалить наш свободолюбивый народ, посеять национальную рознь, направить друг на друга – вот что увидели люди в действиях гитлеровских захватчиков. Отдельные неуверенные, слабые сельчане клюнули на их посулы и приманку – но просчитались. Народ никогда не прощал предателей Родины, выметал их вместе с захватчиками.

НАС НЕ ПОСТАВИШЬ НА КОЛЕНИ

Из воспоминаний О. А. Коско

БРИГАДИР МАКЕЙ

Правду в глаза оккупантам и их ставленникам мог сказать только честный и абсолютно преданный советской власти человек. Таким был Петр Никитович Макей. Еще в 1939 году, когда наша страна протянула руку братской помощи западным областям Белоруссии и Украины, он со своими земляками Николаем Далидовичем, Виктором Варивончиком, Николаем Корзуном, Степаном Курьяновичем и другими товарищами по оружию выполняли этот почетный долг. Уже тогда они смогли убедиться, откуда нависнет угроза нашему мирному дому. Фашисты уже разгуливали по малым странам Западной Европы, поработали их одну за другой.

В артиллерийском полку в Замброве, под Белостоком выполнял освободительную миссию Петр Макей. Выполнив ее, вернулся домой к мирному труду. Был бригадиром колхоза имени Свердлова. Жил в небольшой лесной деревушке Блащитник. Да какая из наших преимущественно небольших деревушек не соседствовала с лесом? Проезжаешь массив и взору твоему на опушке открывается пара десятков крестьянских домиков, через два-три километра от этой деревни, разгороженная, лишь небольшим перелеском, стоит другая, третья.

Мирно трудились люди. Все необходимое давали окрестные угодья: лес давал строительный материал и дрова. Здесь собирали грибы и ягоды, многие забавлялись охотой – в те времена много водилось дичи.

Луга и пастбища были рядом. Они обеспечивали скот необходимыми кормами.

Правда, большой процент был под болотами, но они же давали сено. Пусть это не мурог, но сено тоже было едкое, как говаривали старики. Забредет, бывало, стадо коров в болото и с таким аппетитом хрустит осокой и различными душистыми болотными цветами.

Казалось бы, язык и губы порежет, но нет, у них все нормально, только молока прибавляют. А вот у пастуха, особенно с молодыми ладошками, руки пообрезаны. Все животные по колени в воде, голов и спин не видно, добираются до берегов топкой реки Осиновки. Было чем кормить скот, только правильно распорядись руководитель, да не поленись крестьянин. Тысячи людей бросила война в эти места для борьбы и спасения.

Подзолистые земли не отличались урожайностью. Их нужно было крепко удобрять, они требовали тщательного ухода. Но разве считался с работой наш трудолюбивый крестьянин. В труде он видел свое счастье. Всего было в достатке в наших угодьях, лишь мирный труд да время требовалось для укрепления жизни на селе. А времени было в обрез. Врагу не терпелось.

Прошло только полтора года, как Макей снял военную форму, оставил Замбров, вернулся в Блащитник и стал работать бригадиром. Опять сигнал к оружию. Враг жестокий и коварный обманом, огнем и мечом прокладывает дорогу. Враг приближался. Мобилизоваться не удалось. Весь 1941 год колхоз продолжал существовать, значит им нужно было руководить. Петр продолжал работать бригадиром...

К осени 1941 года оккупанты установили свою власть, создали полицию. Сложная это была пора, бесновались, сводили счеты фашисты и их приспешники. Трудно доставалась Макею его бригадирская должность. Потрясал пистолетом предатель Илясов, нагайка его часто опускалась людям на спины. Как мог, терпел Макей, но руку помощи своим, советским людям, был готов протянуть в любую минуту. И эта помощь понадобилась.

Как-то в октябре 1941 года он с топориком в руках подался в лесок за домом, чтобы нарубить черенков для лопат и вил. Не успел он завершить свое дело, как его окликнули. Отозвался. В густом ельнике расположился отряд красноармейцев из четырнадцати человек. Подошел. Были раненые. Продукты и вода вышли. Требовались лекарства. Необходима была срочная помощь, совет, информация, а, главное, нужен был проводник.

Некоторые были с кубиками в петлицах, значит командиры. Заросшие щетиной, изорванная форма. Тяжелейшие, полные опасностей километры позади у воинов. Ясно. Отступают с западных границ нашего государства. Выходят из окружения. Но что такое? Знакомое лицо. Майор Романов? Заместитель командира 156 корпусного тяжелого артиллерийского полка!

– Товарищ Романов, если не ошибаюсь? Разрешите доложить: служил в 3-ем дивизионе вашего полка! Да! В жизни всякое бывает, размышлял Макей. – Верно, говорят: гора с горой не сходится, а человек с человеком всегда сойдется. Огромное расстояние, но обстоятельства зачастую проверяют людей. Им нужна помощь и она будет оказана. Кругом враг, но знаю, откуда его можно ожидать. Им сложнее, хотя это очень опытные военные люди. Карты вышли, проводника нет.

– Но как вы пробились, когда кругом враг? – прикидывал в уме Петр Макей длинный путь красноармейцев.

– С боем, голубчик, с боем, – отвечал майор Романов. – Да вот многие так и остались навсегда по пути нашего следования. А другие, как видишь, с ранениями и валятся от усталости. Требуется помощь.

Не нужно было много разяснять Макею его роль в таком случае. Бывалый, преданный человек, он всегда останется воином для своего Отечества.

Прежде всего, гостей накормить – это было всегда золотым правилом. Правда, уже оккупанты приложились к народному добру, многое разграбили, но хлеб и картофель у крестьянина всегда найдутся. Прикинул и другое. В летнем лагере для свиней осталось еще несколько сеголетков-поросят, которых еще оккупанты не прибрали к своим рукам. Нужно действовать, но делать все надо незаметно и осторожно.

Запах жареной свинины врага тоже наведет на размышления. Сколько они перехватили уже уходящих на восток красноармейцев и советских работников.

Дождались темноты. Завесили окна одеялами. Старших детей Виктора с Зиной Макей послал на улицу дежурить. Зарезали двух поросят. Запах жареной свинины быстро разнесся по Блащитнику. А тут еще неподалеку семья вражеских осведомителей проживает. Учуют – это еще неважно. Но если увидят отряд красноармейцев и донесут карателям? Жизни не будет. Но что поделаешь, без риска врага не осилить. Накормлены красноармейцы, обеспечены в достатке продуктами на дорогу. Как же облегчить страдания раненых. Полотно для перевязки найдется, но чем смазать эти запущенные раны, до крови растертые мозоли? Хорошо бы заячьего и гусяного жира.

– Жми, Виктор, в Борцы, – направляет Макей старшего сына в соседнюю деревню, где жили заядлые охотники. – У Янука возможно кое-что раздобудешь, к председателю заверни, узнай у них, нет ли в Борцах полиции. Но знай как вести себя, а то понимаешь, что будет? Каратели не чикаются.

Много не надо говорить сообразительному комсомольцу. Мигом он выполнил это задание. Кроме мазей принес и марганцовки для промывки ран. Посветлели лица бойцов, верные и добрые белорусские люди им повстречались.

– Дальше на восток, ближе к фронту, соединиться со своими частями – такая стояла задача. Слиться с армией и остановить врага, а затем гнать его с нашей земли. Коварство ею взяло верх, но это временно, будет поворот от ворот фашистам, – убежденно говорили бойцы Макею.

Не простая задача стояла и перед ним. Какой же путь выбрать? В Наречье? Но там фашисты и пост на мосту. В направлении Ветеревич, Шацка. Но там крупный карательный гарнизон. Прямо на Восток, через лес, через все преграды. Путь нелегкий, но верный. Незаметно, через Пересельки, Борцы, на деревню Глод. Там рум, там сплавка леса, есть лодки, чтобы преодолеть реку Птичь. А дальше за рекой поведет Никита, или Хвядос, – мысленно прокладывая предстоящий путь Макей, перебирая в памяти своих надежных и смелых товарищей. Не наделать шума. Обойти дома предателей. У Поречина ночует вооруженный Губарь – разведали Виктор с дочерью председателя Софией.

Обойдем без выстрела.

Не спалось Романову и Макею в эту ночь перед уходом красноармейцев. Роли их теперь поменялись

бывший боец артиллерийского полка командовал, а майор доверительно слушал и соглашался.

С. И. Коско.

– Товарищ Романов! Почему же так получилось? Ведь так четко мы сработали в 39-м году. Зачем же было распускать нас? Видно же было, как они зарятся на нашу землю, – вполголоса рассуждал Петрок. – Коварный фашист, наглый враг, – в полудремоте бормотал Романов, как-то по своему объясняя случившееся. – Но бит он будет непременно, заключал уверенно старый кадровый офицер.

Непрощеных гостей мы били неоднократно, – поддразнивал мысль хозяин.

Но этот злодей крепко вооружен, да и методы еще такие применяет, стирает все на своем пути.

Такой злобы у людей раньше не было. Ничего, скоро разозлиться и наш мужик, – отвечает на свой же вопрос Петрок. Хороший, преданный боец был у меня на службе. Не плохо, что он попал мне на пути в эти трудные дни, – отметил про себя майор.

Еще до рассвета бойцы были подняты по команде. Времени на сборы ушло немного, все было подготовлено заранее. Выступили из деревни Блащитник, никого не потревожив. Через километр Пересельки. Осторожно, громко не топя, по деревянному настилу мостика приблизились к дому Варивончика и Владика, миновали его. Этим надо опасаться служат в полиции отец и сын. Слава Богу, благополучно, никакого скрипа. Приблизились к усадьбе Мишихи. И надо же! Идет с ведром доить корову.

Плохая встреча, очень нежелательная. Сын ее, Антон Хурсевич, в полиции.

Миновали забор и усадьбу, а она все провожает взглядом, даже руку приложила к глазам от восходящего солнца. Ведь к нему, на восток, держит путь отряд красноармейцев. Расскажет Антону, мерзавка, – подумал Макей, – а тот Илясову и карателям. Верная гибель. И действительно, много пришлось ему натерпеться от фашистских холоуев, от диких, звериных выходок зарвавшихся оккупантов.

Но сейчас нужно вести бойцов, выручать их и сохранить. Миновали Пересельки, прошли возле края деревни Борки, углубились по дороге в лесной массив. Другие деревушки старались обходить. Вскоре и Глод. Сторож спит. Отвязываемся лодки. Еще раз разъясняется, как найти

Никиту и что ему сказать. Все благополучно переправляются на другую – восточную сторону реки Птичь.

– Спасибо тебе за помощь Петр Никитович! Большие спасибо! – благодарит майор Романов своего бывшего сослуживца и крепко пожимает руку.

– О чем разговор, товарищ Романов, как же иначе? – смущенно отвечает Макей своему командиру.

– Бери на память шерстяной офицерский костюм. Хотя ты и демобилизован, но душой ты всегда на защите Отечества

– А как же иначе? – повторил Макей.

Казалось бы, такое дело: приютил красноармейцев, накормил, обогрел, принял и проводил, как и подобает советскому человеку. Чего тут опасаться? Подумаешь, увидела какая то женщина! Но в тот период жестокого режима и репрессией его опасения были не напрасны. Мишиха не преминула случая, чтобы не уколоть своего бригадира, своего непосредственного начальника тем, что видела. А когда тот попытался отчитать ее за некачественную уборку картофеля, то и совсем распоясалась, дескать, ты мне не командуй, твое время кончилось, а то пойдешь вслед за теми пораненными, которых проводил. Это в лучшем случае, можешь и совсем поплатиться жизнью за такие дела. С бабой спорить бесполезно, а с такой как эта и тем более.

Вскоре он убедился, что угрозы и обещания свои она стала осуществлять.

Начальник местной полиции Ильясов стал придирается за всякие мелочи к бригадиру, пускал в ход кулаки и плету, а иногда даже тянулся к кобуре пистолета. При этом он открыто не выдавал причину такого внимания к Макею. Видно эта доносчица боялась и за себя и просила Ильясова не выдавать и ее. Вскоре при дележке колхозного добра, патриотизм и прямолинейность Петра Никитовича чуть ли не ускорили развязку.

ГИБЕЛЬ ГАНСА

Были первые месяцы оккупации. Фашисты не обрабатывали нашу землю, они только начинали править на ней. Мы же пахали, сеяли, косили, убирали урожай, который нужно было сдавать иноземным захватчикам.

Спокойно ли было на нашей цветущей ниве? Нет. Здесь тоже было беспокойно. Горячие баталии проходили и здесь. Бывшие кулаки и репрессированные рвались к земле к прежним своим наделам и старым порядкам. А здесь к тому же пролетел фашистский самолет и сбросил листовки, в которых была все та же приманка: русский солдат сдавайся, получишь землю.

Работали мы тогда на «Широком поле», убирали рожь. Сотни небольших листовок падали нам на головы. Вот они уже в руках у отдельных крестьян. Читают.

Немец будет раздавать землю, – произносит Зенусь.– Будут делить колхозы, – поддерживает его мысль еще один ~ Ах, какая радость! Нашу землю будет фашист делить – попыталась я урезонить их преждевременную радость. Она же и так принадлежит нам.

– Тихо, Волечка! Они же тебя разыгрывают и издеваются над председательшей. Нарочно перед тобой так радуются. Не реагируй, выдадут, Их время сейчас наступило, – шепотом сдерживает Ясь Луцевич мое разбушевавшееся возмущение. И он был прав. Последующие события показали враждебную психологию этих доброжелателей.

Вместе косили сено по болотам реки Осинówki, дружно его убирали. Привыкшему к труду крестьянину не надо показывать на небо на дождевую тучку, поднявшуюся из-за горизонта. Подсохло сено на болотных кочках, оставляют всякую другую работу, которая может подождать, быстрее за грабли и вилы, скорее метать стога. Иначе заждит, возможно, надолго сено поплывет, вырастет в отскочившую траву. Погибнет большой крестьянский труд.

Но молча работают люди, не слышно больше задорных песен, которые раньше витали по лугам и перелескам, Каждый теперь занят своими мыслями.

А раньше, бывало, заведет Анюта Писаричиха свою народную песню, ее поддержит десяток таких же стройных, звонких голосов. Слышно в Пересельках и Блащитнике, слышат дети и мужья, слышат бригадиры и председатели. Значит настроение у матерей и жен, значит с полной отдачей поработали сельские труженицы.

А что это за чудные голоса раздаются из Чесныков? Да это же группа молодых девчат идет с прополки льна. Ведущие голоса Серафимы и Стефаниды Корзун подтягивают. Молодые, задорные голоса. Веселый, счастливый смех. Красивые, жизнерадостные невесты. Их было в то время много. Но не слышно больше задорного смеха не, прежней радости в лицах людей. Враг внес смуту в жизнь народа. Война отнимает сыновей, женихов, мужей.

Вернулись люди с сенокоса. На общем дворе делили по трудодням говядину. Раньше было не так. Доброжелатель, с улыбкой. Теперь же люди стали раздражительными, злыми. Вот бросила свой кусок Петрусиха: – Кости эти получать, не желаю. Довели до чего коммунисты...

– Не спеши с выводами, голубушка, – урезонивают ее женщины. Посмотрим, чем гитлеровцы тебя накормят.

Фыркает. Чем-то недовольна эта баба. А что она сделала для улучшения нашей коллективной жизни? Ничего. Только пищала и злорадствовала.

Варились мы пока в своем соку. Занимали те или иные позиции наши односельчане. Война для всех несет горе. Шаткие были позиции у врага и его прихлебателей. Немцы к ним еще не заглядывали.

А что они могли делать в нашей глубинке? Пахать, косить, сеять? Это не для них.

Однако мы вскоре увидим почерк иноземцев. Достойный отпор давал ему и наш солдат, и наши люди.

Что тебе нужно Ганс, на этой чужбине? Ты хочешь править этой большой страной, этим непокорным, свободолюбивым народом? Ты здесь погибнешь, Ганс так и не достигнув цели. И никто не узнает, где ты покоишься. У тебя ведь тоже есть дети, жена. Мать будет ждать тебя... Но тебя уже нет в живых. И лишь небольшой холмик в кустах при дороге напомнит о тебе, о разыгравшейся здесь трагедии.

Фашист с закатанными рукавами с автоматом наперевес ведет двух наших красноармейцев. Другой рукой он как то ухитряется вести велосипед. Странная картина. Где мог пленить он наших двух бойцов? Как мог оказаться в нашей глубинке этот конвой? Измученные наши солдаты, со связанными руками, обреченно бросают взгляд на встречающих прохожих крестьян. Путь их лежал из Поречья в сторону Ветеревич, где их ждала неминуемая гибель. С горечью взирали мы – женщины эту картину, не станет еще двух сыновей. Помочь, однако, ничем не могли, в руках у нас только грабли. Фашист держал автомат наизготовку.

В это время навстречу этой группе приближался старик Колыхневич. Он встречался с немцем еще в первую империалистическую войну, знал их характер и повадки. Старый вояка моментально оценил обстановку. Дать хлопцам закурить, хоть на миг отвлечь внимание фашиста. Поздоровался, взял под козырек, поклонился, как всегда он при этом делал и стал приближаться.

– Хальт! – прокричал конвоир, направляя на Колыхневича ствол автомата.

– Пан, курить хлопцам надо, – поясняет старик, указывая на табак.

– Нихт! – орет настороженный фашист.

«Ага, по-русски, значит, не понимаешь, Ганс, – подумал Колыхневич и, раскланиваясь, прошептал, – ногами его хлопцы, на верную гибель идете...»

Не успел Колыхневич отойти и сотни метров, как услышал последний крик добываемого фашиста. Один из бойцов бросился ему под ноги, сбил его с ног. Второй, не давая ему опомниться, встал на горло, второй ногой придавил автомат. С немцем было покончено. Красноармейцы распутали друг другу руки, схватили оружие и рванули в кусты.

Несколько дней лежал на обочине дороги фашист, закончив бесславно свой поход на земле Белоруссии. Он направлялся расширить пространства Германии, но ограничился лишь двумя метрами. Проходя его, путник отворачивался, убыстрял шаг.

Идя на сенокос, мы захватили лопаты и тут же рядом с дорогой зарыли этого бесславного вояку. И только холмик земли прямо у обочины, у короткого моста, напоминает о разыгравшейся здесь драме. Проходя мимо этого места после войны, дети всегда ускоряли свой шаг: здесь убит фашист. Кто толкнул тебя, Ганс на столь опасное и далекое путешествие? Разве не рассказывали твои «гроссфатер» чем кончались такие походы крестоносцев за чужой землей.

Колыхневича с его мудрым советом никто не выдал, а этот поединок на дороге говорил, что с врагом можно бороться любым путем...

ЛАСТОЧКИ ПРАВДЫ

Неспокойно было на душе в первые месяцы вражеской оккупации, ох как беспокойно. Фашисты торжествовали, распространяли слухи, что Красна, Армия разбита и вот-вот падет Москва. А от мужей наших никаких известий. Но мы понимали, что наша армия сдерживает натиск ошалелого фашиста, а наша столица как стояла, так и стоять будет во веки веков. Незря оставили Русак и Иосиф Иосифович Коско приемник у Владимира Рухлевича. Заговорил в его руках он сразу.

Забросит Владимир проволочную антенну на дерево, настроит на Москву, внимательно выслушает сводки и сообщения, кое-что помечает. Да, тревожные вести, неутешительные, но Москва держится, призывает народ к борьбе, учит каким путем это делать.

Распространяет сводки тракторист Рухлевич по доверенным людям. Подключил к этому Ивана Прановича, сыновей Петра Лукича. Отец их уехал с Красной Армией защищать Родину, а они здесь разоблачают фальшивую пропаганду оккупантов. Поднимают дух народа. Рушится злобная пропаганда немцев о скорой победе.

Не хватало бумаги, чернил и красок. Дочь София достала из сундука обои, резала на листки и тут же писали текст, передавали в надежные руки, а те дальше. Помню, как Рухлевич принес сообщение о разгроме немцев под Москвой. С какой радостью встретила эту новость молодежь.

Дочь София (на снимке) побежала сообщить эту новость своим подругам Антонине и Софии Матусевич. Пришла с ними в наш дом и стала немедленно его переписывать. Одна писала ручкой и чернилами, а другая химическим карандашом, постоянно смачивая его губами, от чего губы вскоре стали синими. Попробовали соком из свеклы. Бордовый цвет был ярким и броским.

Старались писать большими печатными буквами. Старания комсомолок, их синие от химических карандашей губы вызывали у нас с Рухлевичем невольную улыбку, но сводки Совинформбюро на плотной бумаге обоев, к тому же выведенные печатным шрифтом, были надежными и впечатляющими источниками достоверной информации о событиях на фронте.

Надо было разнести информацию по окрестным деревням. Знали мы тогда, кто чем дышит, кто друг, а кто будет при этом сообщении злорадствовать и доносить немецким властям. Тем более, что сводка заканчивалась призывом: «Бейте фашистских гадов, везде и повсюду!».

Решили отнести листки с хорошей для народа вестью о разгроме немцев под Москвой в деревню Пересельски к Константину Карпуку и Ивану Корзуну, в деревню Блащитник – Николаю Далидовичу и Афанасию Кульпановичу, в деревню Завод – семье Подоляко, Туры – семье Юрас, Михалевича, в деревне Ладымер – семьям Петкевича и Макаревича, в Кошели – К. Варивончика и Михаила Павловича.

Эти семьи мы хорошо знали, близкие и родственники некоторых как раз и били немца под Москвой. Сложнее было передать сводки в Кошели, там проживал руководитель полиции Степан Илясов и многие из его свиты.

Люди с радостью восприняли эту радостную весть о пощечине фашистам под Москвой, а сыновья Николая Додидовича Георгий и Евгений взялись доставить сводки Совинформбюро в деревни Карниче, Зимовище, Мижилище, где у них проживали близкие. Их друг Александр Кульпанович наметил себе маршрут в деревни Заречье, Пахарь, Поречье – там у него были родственники.

Надо размножить больше, этик будет маловато, – пришли к выводу ребята.

Будьте осторожны, давайте только надежным и доверенным людям, – напутствовал парней Николаи Игиатьевич Далидович. Опытный воин, он знал, что не только распространение

сводок и прокламаций, но даже неудачно сказанные слова могут обернуться для их семей гибелью.

Задание было выполнено.

В дальнейшем мы увидим этих парнишек с оружием в руках, смело выполняющими любое боевое задание партизан и подпольщиков.

Молва людская быстро разносит вести хорошие и плохие. Наострили уши полиция и каратели. Шли сообщения о кровавых акциях с активистами и подпольщиками в селецкой волости. Мы с Далидовичем предупредили Рухлевича о предельной осторожности и приеме сообщений из Москвы. Запрятать надежнее радиоприемник, отводить даже малейшие подозрения, только так можно было обезопасить себя и семьи.

РАССКАЗ ГУРИНОВИЧА

О событиях на фронтах и в своей местности мы знали. Но хотя бы весточка от ушедших на фронт мужей, братьев, родных и близких? Где они сейчас? Как они держатся?

И скоро я дождалась этой горькой и печальной вести. Как-то глубокой осенью 1941 года передает мне знакомая женщина просьбу жены секретаря сельсовета Ивана Захаровича Гуриновича, чтобы я пришла к ней в деревню Карничеё, где они жили. Это в километрах четырех от нашей деревни Борцы. Иван Захарович вместе с И. И. Коско и работниками Гресского райкома и исполкома уезжали на восток вместе с частями Красной Армии. Сел за руль полуторки Петр Лукич Курьянович. Прошло почти полгода, а вестей от них не поступало...

О каких сообщениях тогда могла быть речь? Пользуясь внезапностью, враг рвал связь и коммуникации, сеял смерть и разрушения.

Хотя женщина мне и не сказала, для чего я понадобилась жене Гуриновича, однако какое-то чувство подсказывало что есть, видимо, весточка о наших мужьях. Пешком быстрее в Карничеё. Ольга (жену Гуриновича тоже звали Ольгой) была в это время дома. По хате носились малые дети. Она вызвала меня в другую половину дома и говорит: – Волечка дорогая плохие вести. Вернулся мой муж. Под Брянском держали бои. Твой Юзик погиб. А мой попал в окружение. Пробрался в тыл. Их часть была разбита. Выбирались из окружения кто как мог. Такая была команда. О том, что он вернулся, никто не знает. Фашисты его сразу схватят, как коммуниста.

Пока прячется в варивни. Идем к нему, он расскажет обо всем подробнее.

– Вот тебе и долгожданная весть. Не помню, как я добралась до их погребца. Разные мысли лезли в голову, все делалось машинально. А может не так, может ошибка, какая получилась? Вместе постучали в дверь варивни. Но никто из постройки не отзывался. Тогда хозяйка подошла к маленькому окошку в торце постройки и негромко позвала, – Иван открывай – это я.

Вскоре загромыхал внутри засов и дверь открылась. Передо мной стоял бледный и изнуренный длительным переходом в тыл секретарь сельсовета, соратник и помощник моего мужа. Иван Захарович конечно же сразу понял, кого привела его жена. Дверь снова заперли. Разговор был в полумраке.

Семьи наши дружили. Жена Гуриновича была хорошая, душевная женщина. Не только работа, но и какие-то другие особые отношения связывали также и наших мужей. Они полностью доверяли друг другу.

– Садись, Ольга, и крепись дорогая, – сказал Иван Захарович, пододвигая мне какой-то чурбачек. – Не хочу скрывать от тебя правду. Все произошло у меня на глазах. Погиб твой муж, нет больше нашего председателя сельсовета, моего лучшего товарища. Крепись, смотри детишек.

– Расскажите все по порядку – попросила я.

Хозяин повел свой печальный рассказ.

– Шли мы все время с частями Красной Армии. Прошли Осиповичи, Кричев. Возле Климович остановились. Начали нас распределять по воинским частям. Иосиф Иосифович вместе со мной попал в 129 особый разведывательный батальон 155 дивизии. Назначен был политруком батальона.

Получили пистолеты, обмундирование. Погрузились на поезд, доехали до Новозыбокова. Здесь мы прошли краткосрочное обучение, затем нас направили на пополнение частей. Вместе был и Николай Чумак, наш предшественник по сельсовету. 26 июля получили боевое крещение. Но враг наседал. Окопались в Журавичах в саду.

Фашист теснил и здесь. Самолеты и танки врага шли по пятам, не давая занять рубеж и закрепиться. Свежие моторизованные части врага думали тогда о молниеносной войне, о завершении своего знаменитого «блиц-крига».

С боями отошли мы до Брянских лесов, до реки Дисны. Немец занял переправу. Началась усиленная бомбежка и артиллерийский обстрел скоплений наших войск. Батальон разорвал вражеское кольцо и выходил из окружения. Вот здесь и случилось. Снаряд лег рядом с окопом, где находился Иосиф. Его выбросило на бруствер. Кровь полилась изо рта и ушей. Осколками изрешетило гимнастерку, попадание в грудь. Санитары подбирали раненых, наскоро хоронили убитых. Там, в окопе, на передовой он, видно, и покоится.

На глазах Гуриновича заблестели слезы, он прервал свой рассказ и на минуту задумался.

Враг снова оказался впереди. Поступила команда рассредоточиться небольшими группами и самостоятельно пробиваться из окружения по лесу. Пути вперед были все отрезаны противником. Оставался единственный путь назад, вглубь леса. Шли ночью лесами несколько недель, пока не достигли границ Белоруссии.

Переоделись в гражданскую одежду и каждый пошел своим путем. Я с Пархимовичем добрался до Бобруйска. Пристроился к повозке и под видом хозяина прошел вражеские заслоны и посты. Все ближе и ближе к своей местности.

Сколько опасностей и риска было в пути. Стоит ли об этом говорить.

Гуринович опустил голову и умолк в раздумьях. – И вот видишь сию здесь в ловушке, тоже в окружении врага. Никто об этом не знает. Сразу схватят оккупанты партийного работника. Жена рассказала мне о событиях в родной местности. Здесь тоже лютует враг. Кругом карательные гарнизоны, организованы новые оккупационные власти. Прямо под боком, в здании сельсовета, где мы с Иосифом столько лет размещались и руководили, организовали полицейский участок. Он снова замолчал. Наступали сумерки, в полуподвале стало еще темнее. Безысходность положения было налицо.

Гуринович был действительно, как в ловушке. Видно было, что усиленно ищет выход из создавшейся ситуации. А выход был один – бороться. Если ты не уничтожишь врага, то он уничтожит тебя.

СВЕТ НАДЕЖДЫ

Горькую весть поведал мне секретарь сельсовета, друг моего мужа. Грустные и противоречивые мысли лезли в голову. От них можно было кричать и плакать. Но рыдать и убиваться было бесполезно. Никому слезами уже не поможешь, они уже были выплаканы за эти месяцы сплошных преследований и угроз расстрела моей и других семей коммунистов.

Перед глазами поплыли картины шестимесячной оккупации. По-разному складывались обстоятельства в первые месяцы войны. Единственный путь у Ивана Захаровича был в тыл врага – на запад. Другие же бойцы пробивались на восток, к линии фронта. Я начала свой рассказ. В погребке, в темноте я не видела лиц Гуриновича и его жены.

Сотни попавших в окружение и оказавшихся в нашей местности, красноармейцев пробивались на восток, чтобы слиться с частями Красной Армии и продолжать борьбу с фашистами. Наши люди помогали своим бойцам восстановить силы, давали медикаменты, продукты, одежду, указывали безопасный путь продвижения. Около сотни красноармейцев осталось в наших поселках под видом приписников, родственников и просто окруженцев. Часть скрывалась в лесу, готовилась к боевым действиям в тылу врага.

Численность приписников с каждым днем редела после вызовов в немецкую комендатуру Гресска, Щиткович, Шацка, Пухович, Слуцка. Увозили в концлагеря, в рабство в Германию расстреливали на месте. Ушли мы с дочерью Софией в конце июля в урочище «Остров», собрать ягод для малышей.

И вот прямо в лесу наталкиваемся на группу красноармейцев-окруженцев. Пробираются с запада. Раны загноились, комары и мошкара высасывают последнюю кровь у обессиленных бойцов. Нужна помощь? Она была оказана нами немедленно.

София побежала домой, тащила в лес все возможное, простыни, полотно, продукты, лекарства, даже захватила школьную карту. За сообразительность командир поцеловал.

Промыли и перевязали раны. Какой радостью и благодарностью светились глаза бойцов за эту заботу.

Немного окрепнув и оправившись, они просили проводить их дальше на восток для выполнения своего долга перед Родиной.

В тайниках было оставлено оружие, они указали нам эти места. Знали, что борьба будет всенародной, оружие понадобится.

Мы проводили их безопасными тропами. Враг будет разбит, – сказали они нам на прощание.

Казалось бы, впереди огромные трудности, но стойкости и веры в победу бойцы не теряли.

Такая же встреча была и на болотах реки Осиновки, где мы убрали сено. Группа красноармейцев-окруженцев скрывалась в густых ивовых кустах. Расспросили о местности, о ближайших вражеских гарнизонах. Мы все им разъяснили. Потом почему-то спросили, кто среди нас старший. Все указали на председательшу, то есть на меня, хотя я старшей не была даже по возрасту. Действовал, как и раньше, авторитет председателя сельсовета.

Указали мне на тайники с оружием. Оружие было надежно запрятано в кустах ивы и тщательно замаскировано. Его было очень много: автоматы, винтовки, гранаты, ракетницы, патроны. Сказали передать партизанам. Окруженцы намерены были переодеться в гражданскую одежду и таким путем добираться к линии фронта. Проводили мы их в направлении Поречья и Омельно.

Тайники я показала своей старшей дочери и Жуковской Анне. Она пришла с западных границ к своей матери. У нее трое детей, муж ее офицер-пограничник в Красной Армии. Мало ли что может случиться со мной, пусть знают о тайниках с оружием и они. Все будет

в надежных руках. Чувствуется, что Анна жена командира, так и рвется в борьбу с врагом. Кое-что нам удалось сделать во вред фашистам.

Полтора месяца назад Петр Макей выводил окруженцев из леса возле Блащитника. Было 14 бойцов, среди них узнал майора, у которого служил в 39-ом году под Белостоком в артиллерийском полку. Сколько было радости от встречи. Но опасность рядом. Кое-что заместили вражеские осведомители, скоро напомнят о тайных встречах и проводах наших армейцев. Но что поделаешь, помогать надо нашим защитникам. Тяжелый вздох вырвался у меня из груди. Внимательно слушавшие меня в темноте муж с женой зашевелились, стали успокаивать. Ольга принесла воды.

– Иван Захарович, – продолжала я. – Положение наше очень сложное и трудное, а у меня в особенности. Полиция считает, что Иосиф Иосифович оставлен в тылу с районными властями для организации подпольной и партизанской борьбы. Есть донос в Гресскую комендатуру. У меня делают обыски и засады. Семья приговорена к расстрелу. Ваш племянник по жене Костик Сивец служит в полиции. Через него вам надо входить в доверие властям. Расскажите ему о гибели моего мужа – это спасет мою семью. Он, конечно же, донесет начальнику полиции Степану Илясову и так дойдет до комендатуры Гресска. Ослабят наблюдение и репрессии.

– Как он, подлец, попал в полицию, как он, сопляк, мог предаться? – искренне возмущался и недоумевал Г уринович, направляя свой гнев, конечно же, в сторону жены. Это был ее племянник. Но гневные взоры его в подвале в сплошной темноте рассмотреть было невозможно. – Высунуть отсюда, снесут голову и коммунисту и его племяннику. Хорошо надо продумать, как все это использовать.

– Вылезать надо из норы и браться за оружие, – твердо и наставительно отрезала жена Гуриновича. Было ясно, что у них это не первый разговор на эту тему. – Если бы здесь был Иосиф – это организатор и вожак. За ним пошли бы все, вставил мысль секретарь сельсовета.

– Сложили головы наши мужья и братья на передовой фронта. Здесь гибнут невинные мирные люди, особенно семьи активистов и коммунистов. Борьтесь и только борьтесь – иначе перестреляют поодиночке, – произнесла я в заключение и поднялась уходить.

На улице темень. Расстояние около пяти километров. Голова кружилась, подступала тошнота от потрясений. Усталая, надломленная и опустошенная я напрямик, через лес, чтобы не встретить полицаяев, поплелась домой.

Муж погиб под Брянском на берегу Дисны, на глазах у своего соратника. А у дома моего засада, ждут его... Живы ли дети?

Как-то утром летом 1942 года я пошла набрать воды в колодец, колодец во дворе в виде журавля, сруб обшит досками. Но что меня поразило: гончак мужа Бушуй остервенело рвался на цепи, шерсть вздыблена, яростно брехал и сверкал глазами за дом, где рос люпин.

Дом близко подступал к лесу и я подумала, возможно волка учуял. Были у нас случаи нападения на живность, даже в сараи залазили. Я постучала ведром по обшивке колодца...

И вдруг вижу, из люпина поднимается из засады отряд полицаяев во главе с Илясовым. Тот подбежал ко мне, ударил прикладом, начал колотить, чвалил у колодца и рычит: – Что, мужа предупреждаешь, красная сволочь?

Дети с плачем выбежали из дома. Старшая София пряталась у родственников от угона в Германию.

– Щенят твоих перестреляю, «петуха» ночью пуцу и заживо поджарим. Кто приходил прошлой ночью? Муж? Большевик твой? – Орал Илясов.

Опять мне стало понятно, что был донос.

– Какой муж, если он погиб под Брянском, – отвечаю ослабшим голосом. Рвет и мечет остервенелый фашист. Дети дрожат и жмутся ко мне. Вы же свои люди, уже год я о нем ничего не знаю, погиб он, есть свидетели и очевидцы – искренне говорила, полагая, что Антон Хурсевич и Костик Сивец остепенят своего начальника.

– Степан – возможно, действительно не видели. Может не дошел еще? – От нас они никуда не денутся, пусть будут приманкой, – успокаивали предатели своего вожака. Детей уже крестили в церкви.

Степан обернулся на рвущегося Бушуя, готового растерзать непрощенных гостей, он помнил их визиты. Раздалась очередь и пес затих навсегда. Это послужило разрядкой, кровь пролилась. Ушли душегубы и на этот раз. Мы были на волоске от гибели, каие страдания.

Через несколько дней многое прояснилось. Вести были неутешительные, напряжение возросло до предела, добавились новые испытания и риск.

Таресья Елишевич из Мижилиц (сын ее Костик Елишевич был в полиции) передала через Марию Козич, что из деревни Омельно жена Юдыцкого сообщала моей семье, что муж Иосиф находится в Бобруйске и допрашивается в гестапо.

Этой молве я не верила, хотя сердцем хотела верить, что муж жив, но ведь от очевидца его смерти узнала о его гибели. Я пошла в Мижилице уточнить все это у Тареси Елишевич. Та была в огороде. Я ей говорю «Тетка, вы напраслины не наводите, вы же знаете, что мой муж погиб у Гуриновича на глазах. У него еще три брата, возможно ошибка. Ваш сын в полиции, делают засады и допросы, что же будет с моей семьей?».

Таресья сказала, что надо сходить в Омельно и все узнать у Юдыцких. Омельно от нас в 15 километрах. На следующий день я отправилась туда. Дождь, слякоть, ноги потрескались, сил было мало, но я шла через Поречье, Омеленский лес, никто меня не останавливал.

Юдыцкие жили на панском дворе. Молодой Юдыцкой не было, она с четырехмесячным грудным ребенком уехала в Пуховичи. Дома была мать, ее перед этим грабили полицаи и побили.

Я дождалась молодой Юдыцкой. Она говорит, что была в Бобруйске, где сидит ее муж – староста за подозрение в помощи партизанам. Там она видела И. И. Коско, который передал записку для семьи, но она в пленках не сохранилась. Пробирается в свою партизанскую зону.

Казалось бы, все прояснилось, но легче не стало. Предпринимать что-либо было невозможно. А может, не муж, может один из его братьев. Их трое.

С надеждой в сердце и неопределенностью в мыслях я ушла от Юдыцких.

УПОЛНОМОЧЕННЫЙ ПО ЗАГОТОВКАМ

Враг требовал сдавать продовольствие, грабил наш народ. Вынуждены были сдавать свой урожай и колхозники нашего колхоза имени Свердлова. Уполномоченными по заготовкам по бригаде в деревне Борцы были Иосиф Ачаповский, в Пересельках – Мойсей, в Блащитнике и Турине – Антось. Иные эту миссию выполняли не особенно охотно, а отдельные – с большим рвением.

Как-то осенью 1941 года загрузили мы шесть подвод отборной картошки и мешки с зерном и подготовились на следующий день везти их в район в Гресск оккупационным фашистским властям. Когда перебирали картофель перед погрузкой к женщинам подошли двое незнакомых мужчин в гражданской одежде спокойно разговаривают, расспрашивают о жите-бытье и как будто между прочим интересуются куда направляется зерно и картофель и когда отправляются подводы. Немцам, – ответили смелейшие, ничего не подозревая.

На следующий день повозки с грузом отправились в путь. Ездовыми были Клим Варивончик, Анята Жуковская ее брат Павлик, и еще один паренек. Замыкал колонну уполномоченный по заготовкам Ачаповский. Спокойно проехали километров десять, проехали и миновали Рудицу и углубились в Гресский лес, как называли у нас в то время лесной массив на юго-запад от Селецка. У Горелого моста с горки в лесу выходят восемь человек военных в шинелях и один в тужурке-кожанке. Старший говорит: – продовольствие заберем, а лошадей вернем, враг его не выращивал.

– Как же мы отчитаемся? – спрашивает Ачаповский. – Надо убежать, – подсказывает Жуковская единственный, как ей казалось выход из такого положения.

– Бежать не надо, – успокаивает командир, – выдадим документы, на повозках и вернетесь. Будет все, как положено. Садитесь на пеньки и отдыхайте.

– Мы поделимся и обедами – предложил Ачаповский и передал часть своих запасов красноармейцам. Так поступили и другие.

Повозки скрылись в густом ельнике. Ездовые расположились на полянке и принялись закусывать. Если выдадут документ, чего же бояться, – произнес уполномоченный по заготовкам.

Долго не пришлось ждать. Вскоре наши подводы показались из леса. Лошади шли легко, продовольствие был выгружено. Извозчикам был вручен документ, и что удивительно – на нем стояла круглая гербовая печать. Оккупационным властям документ объяснял по какой причине задержан обоз с продовольствием. Особенно запомнилось Ачаповскому выражение: «свиньям» продукты не допущены... – Видимо хотели немцы скормить скоту нашу отборную картошку и зерно? – вставила свое мнение его жена Тэля, когда Ачаповский сорок лет спустя вспоминал это событие.

– Не это имелось в виду. Ничего ты не понимаешь, – злился Ачаповский. – Дальше в документ следовало: ... не допущены потому, что они выращены трудолюбивыми руками нашего народа, а непрошенные фашисты, как свиньи ворвались на нашу землю, поганят ее своим свиным рылом, топчут посевы и огороды, снарядами и бомбами разрушают города и села, убивают и грабят невинных людей...

– Красноармейцы еще спросили, есть ли в колхозе пшеница и намерены ли ее сдавать. – Не сеяли, – ответил растерянный Ачаповский.

– Все свободны, можете уезжать, счастливого пути, сказал старший в тужурке и добавил, – не беспокойтесь, бумага все объясняет.

Пустой обоз повернул назад, статная гнедая кобыла Ачаповского замыкала его. Через час и Селецк. «Документ» отдали старосте Писарику. Много было написано на лице у него

в этот миг: страх и недоумение, лютая злоба за неудавшуюся поставку в угоду так почитаемым оккупационным властям.

– А еще такую лошадь я тебе выдал при разделе колхоза, – с упреком выдохнул Писарик, представляя разъяренные лица правителей Гресска: Душевского и Лидермана.

– Что я мог сделать, их был целый отряд, вооружены до зубов, может и пушки есть, – оправдывался Ачаповский и наводил еще большего жару на Писарика.

Этот ставленник оккупантов полагал, что дела у них пойдут как по маслу, ан нет, не тут-то было. Этот пример говорил четко и ясно, что добро народное можно сдавать только своему государству, только советским людям.

Ужас и страх заглядывал к нему в душу. Что стоит красноармейцам, этим лесным «бандитам» прийти к нему ночью в Селецк? Спросят по всей строгости. Их ведь там полный лес кишит. Запасаются к зиме. Держаться видать думают долго, если столько продовольствия реквизируют. Срочно доложить Илясову. Этот военный; бывший красноармеец, а сейчас полицию возглавляет. Он знает, как по-военному разговаривать со своими собратьями. Доложит кому надо, каратели прочешут лес, иначе головы не сносить...

Озверелый Илясов не мог простить уполномоченному поверенной ему волости. Брань сопровождалась зуботычинами, нагайка свистела в воздухе и опускалась ему на плечи.

– Мало того, что пять тонн картофеля и зерна завез партизанам, так еще и обедами их накормил, – выходил из себя начальник полиции и бил почему-то больше за обеды, чем за картофель.

Красноречивый документ красноармейцев-окруженцев с круглой гербовой печатью говорил, что советская власть живет и действует. И это тогда, когда могучая Германия почти уже правит всем миром. А тут в лесу, в глубоком тылу ревизуют законные поставки и кто: недобитые красноармейцы.

Сначала Илясов хотел порвать на мелкие клочья этот вызывающий листок, но потом одумался, затих, стал что-то соображать. Порвать, так не поверят. Срочно доложить Лидерману, сообщить Душевскому и Купе.

«Поднять на ноги карателей, сил у них больше, чем у меня в Селецке – Лихорадочно думал предатель Илясов. – Сегодня отняли мои поставки, завтра придут к ним, за стол сядут. Лес до самого Гресска тянется...»

Попробовал звонить, но связь плохо работала.

– Возок мне, да коня порезвей с автоматчиками, – прокричал он команду своим подчиненным. Поскакал с докладом в Гресск, но уже другим, окольным путем, в обход Горелого моста, где скопилось «большое войско»...

Пошла молва по деревням и весям: обоз не дошел до Гресска, продовольствие досталось не фашистам, а красноармейцам и партизанам. Смутно представляли люди в такой глубинке, как разворачиваются события на фронтах. Фашистская пропаганда кричит, что Москва пала, а Красная Армия разбита. А тут, на тебе, под самым носом у фашистов красноармейцы не позволяют им распоряжаться народным добром.

Поднял патриотических дух этот случай у многих сельских тружеников. Но мало кто знал, что Анна Жуковская и я имели к этой операции самое непосредственное отношение. Прибежала она ко мне в тот же вечер, как вернулись пустые подводы. Рассказывает, чтобы не слышали дети: – Волечка все получилось, как и было задумано. Столько напереживалась, особенно за Павлика. Говорила Ачаповскому, давай сбежим. Думала, так лучше потом объясняться. Напали большие силы, захватили обоз, но в плен мы не сдались. Но их главный, в тужурке, услышал и говорит спокойным голосом: «Назад поедете на этих же повозках, только без груза. На продовольствие получите документы». Выдали с круглой гербовой печатью. Написано: «свиньям продукты не допущены» ... Это фашистам значит...

Операция удалась. А готовилась она следующим образом. Заходит к нам домой накануне этого случая работник Гресского райкома партии Владимир Иванович Заяц. Он хорошо знал нашу семью еще до войны, не раз бывал дома и, конечно же, доверительно относился и сейчас.

Оставшись в тылу, действовал он подпольно и скрытно, людям на глаза старался не попадаться, поддерживал связь с оставшимися в тылу коммунистами и их семьями и вообще с надежными и доверенными товарищами.

Он знал, что муж ушел с частями Красной Армии, знал, каким репрессиями подвергается моя семья со стороны оккупационных властей. Помню, все повторял: – Береги детей, Ольга. Береги детей! Враг приходит и уходит, а мы остаемся. Так уже бывало на нашей земле. Меня поразило спокойствие и уверенность, с которыми произносил эти слова старый коммунист.

– Но с врагом надо бороться, где только возможно надо солить ему, – продолжал он. – Среди людей бываешь, – спрашивает.

– На работу хожу, уборка, как не работать. Четверо детей кормить надо. Постоянно с людьми нахожусь, – говорю в ответ. – Вот и завтра будем перебирать отборный картофель для сдачи оккупантам. Целый обоз пойдет. Мужчины колеса правят, телеги готовят, а женщины сортируют картофель: семенную в бурты, а крупную погрузят на повозки и повезут в Гресск к Лидерману.

– Прислушивайся к настроению людей. Что говорят о новой власти? Кто им помогает, кого преследуют? Это для нас будет очень важно.

Так и говорит: для нас... Хотела спросить: много ли вас и где вы сейчас расположены, но он опередил. – Мои люди будут заходить к тебе, ты их тоже знаешь. Это надежные, преданные советской власти люди. В лесу осталось много красноармейцев и наших людей, есть оружие. Бороться надо в тылу подпольным и партизанским методом. Вредить фашистам всеми способами.

– Мы тоже многих бойцов встречали в лесу, выводили из окружения, помогали раненым, – согласилась я. Он не стал называть всех, кто будет приходить на связь в мой дом, но сына Василя Боровика, Федьку, он все-таки назвал. Я знала эту семью простую и надежную.

Ф В. Боровик

– Так, говоришь, обоз пойдет в Гресск, – вернулся он к прежней мысли. – Когда везут? – Через два дня, – отвечаю. – Кто сопровождает? – Ачаповский, уполномоченный по заготовкам. Остальные – женщины, подростки.

Может и я поеду.

– Тебе нельзя, – в категорической форме возражает он исходя из каких-то своих соображений. – Подходящие женщины у тебя есть, которым ты доверяешь?

– Конечно же, есть, – отвечаю, не понимая к чему клонит Владимир Иванович.

– А как пойдет этот обоз? – уточняет он.

– Центральная дорога одна – Борцы, Замошье, Обчее, Рудица. Гресский лес, возле Поликарówki, на Шищицы – и рядом Гресск.

Значит через Горелый мост? – переспрашивает он.

Ага! Значит, они в лесу и видно порядочная компания, если хотят запастись провизией на зиму. Обоз хотят врагу не допустить. Ясненькое дело. И тут у меня созрела мысль, которую я тут же высказала. В извозчики можно посадить Анну Жуковскую – это жена красного командира. Муж – пограничник, сражается с немцами на фронте, старший брат тоже там. А она с тремя детишками с западной границы пробралась сюда к старушке матери.

Сведения о том, что она жена офицера, стали просачиваться оккупационным властям и уже понемногу к ней начинают присматриваться. Очень смелая и прямолинейная.

– Продажные шкуры, час расплаты придет, – говорила она в адрес изменников и предателей зачастую в компании женщин, где были близкие этих предателей.

Надо ей как-то отводить подозрения, поскольку особенно желающих везти свое добро оккупационным властям не находилось. В помощники возьмет и своего младшего брата Павла.

– А что, хотите захватить обоз? – прямо спросила Владимира Зайца.

– У кого же захватить, у безоружных женщин и подростков? – поправил партийный работник. – Просто мы его задержим и не допустим врагу. А Жуковской своей скажи, чтобы они при встрече в лесу с вооруженными людьми сбежали. О нашем разговоре никому ни слова, погибнешь. Жуковской тоже деталей не сообщай. Пусть это выглядит, как будто случившееся само собой...

И вот теперь Анна Жуковская вновь и вновь вспоминает подробности лесной засады. Сама она с малышами едва сводила концы с концами. Пришла с запада с голыми руками. Фашистские власти подчищали все, не было места таким семьям и здесь.

– Не достается нам, пусть и врагу не достанется, – делает вывод Анна. – Может и мой муж в таком же затруднительном положении?

В дальнейшем Анна Жуковская была связной многих партизанских отрядов. Муж ее, капитан Красной Армии в конце войны разыскал ее и детей. Как благодарен он был своей боевой подруге за сохранность семьи и помощь в тылу.

Как выяснилось позже, воины, захватившие обоз и написавшие: «свиньям продукты не допущены...», являлись оказавшимися в окружении бойцами генерала Константинова.

ОБЫСК

Настала суровая зима 1941 года. Скрытая, незаметная жизнь текла во всех окрестных поселках Селецкого сельсовета. Чинили над народом расправу оккупанты и их приспешники из числа вернувшихся кулаков, судимых лиц и различного злодейского сброда.

Быстро приходят вести на селе, каждое из них связано друг с другом, родственными, житейскими, хозяйственными связями. Вот и приходят тревожные сообщения: в такой-то деревне забрали и ничего о нем больше неизвестно, в другой – расстреляли, в третьей – допрашивают и пытаются. Люди стали недоверчивы и осторожны, ведь неизвестно, кем может обернуться даже твой сосед...

Уходили из жизни прежде всего активисты Советской власти, организаторы колхозов, партийные и комсомольские работники, а также их семьи.

Дошла очередь и до моей семьи. Как-то в декабре 1941 года, несущая морозным утром воду из колодца, готовлю семье завтрак, топлю печь. Смотрю, останавливаются у моих ворот две санных упряжки. Выходят из возков начальник полиции Спепан Илясов и его братья: Николай Губарь, Анта Хурсевич, Костик Елишевич, Андрей Боровик, Костик Сивец – все при оружии, с утра под «мухой».

Все, думаю, конец всем нам сейчас будет. Быстренько прибежала в хату, детей малых на печь, а сама встала у печки, да так, с ухватом, которым горшки и чугуны из печи вытаскивают, и встретила ранних гостей.

Первым ввалился Илясов, в полушубке, пистолет на боку, кинжал за голенищем.

– По твою душу пришли, хозяйка. Где оружие, которое ты прячешь? Возможно и муж не успел драпануть в лес, по имеющимся сведениям, он на ночь приходит домой? Какие-то сомнительные личности тут шастают в сумерках. Встречаетесь с кем-то, а может, и замышляете что-либо? – заорал Илясов с порога.

– Так, вон оно что! – Отлегло у меня от сердца. За мужиком пока что пришел и за оружием. Обыскивать и допрашивать будут, ну, к этому мы готовы. Ищите, пройдохи, не найти вам тут ничего. А сама говорю: «Глядите, найдете что – забирайте».

– Обыскать все, – командует Илясов. – Двоим проверить все в сарае и погребе. Да смотрите мне, хорошенько штыками сено исследуйте, возможно, на день в сеновал идет, в лесу-то таким морозищем окоченеешь, – сделал он предположение о возможном месте укрытия моего мужа.

– Нет хозяина, нет его уже совсем в живых, – старалась я убедить этого жестокого ублюдка, так как уже точно знала, что муж погиб в бою под Брянском.

– В Селецке нам одна тоже так голову морочила, но когда поискали хорошенько, взяли, да еще с запасом гранат и винтовок...

«Ищите, ироды, ищите, если только это ваша задача. Может и пройдет несчастье мимо», – думаю я, и с ухватом в руках иду то к одному, то к другому с объяснениями. Из куфра – сундук у нас так назывался, где складывался весь скарб наш крестьянский – из этого сундука уже половина всякой – всячины была выброшена на пол одним старательным полицаем. Другой поролся в постелях, заглядывал под кровати, простукивал пол.

– А это, что такое? – Полицай извлек из сундука красную девичью шляпку. Эту шляпку подарила дочери Софии сестра мужа, работавшая до войны в Минске. Она лежала в сундуке как смешная и модная реликвия. В деревне таких не носили.

– Смотри хорошенько, красный флаг может быть где-то на дне, – пришла мысль Илясову в связи с красным цветом головного убора.

– Возьмите своей молодой жене. Ей будет очень к лицу эта шляпка, – предложила я подарок Илясову. Напоминание о молодой и красивой жене слегка смягчило начальника полиции. Видимо, он представил ее головку в этом «партийном», красном уборе.

– Напоминает о комсомоле и большевиках, – шляпка полетела далеко в угол.

Нет! Я не боялась, что найдут председателя сельсовета – его уже не было вживых. Оружия дома мы тоже не держали. Ружья хозяина, а также боеприпасы: патроны, капсюли, порох, дробь были зарыты глубоко в муравейнике, на Боровине. Сейчас это место еще к тому же глубоким снегом покрылось. Следов никаких, а сознаваться я и не думала. Было запрятано в лозе в болоте реке Осиповки и в «Острове» кое-что и похлеще. Но об этом знала только я и старшая дочь София. Но как бы она не вернулась в это время. Я послала ее в Блащитник к родственникам. Шла молва, что молодежь угонят в Германию, надо было разузнать об этом и избежать несчастья. Но она, по моим расчетам, не должна была вернуться именно теперь.

Полицай, между тем полез в ящик, где лежали всякие бумаги. Тут-то я и заволновалась. Бумаги колхозные и сельсоветские, подписанные моим мужем – коммунистом бывшим председателем колхоза имени Свердлова, а затем и Селецкого сельсовета. Илясов теперь с полицией занял здание сельсовета-волости, а в данный момент делал обыск и допрос по поимке советского руководителя – хозяина дома.

«Подольют масла в огонь эти бумаги, – опасалась я – Напомнят лишнии раз, в какой семье проводится обыск. Не дай Бог, еще и листовка какая завалилась».

Приносил с Обчего почтальон Иван Пранович коротенькие весточки с фронта, переписывали с Соней от руки, другим надежным семьям передавали. Но порядок у нас был строгий – дома ничего не оставлять. Всякие квитанции мужа, удостоверения-бланки в шуфлядке лежали, и я невольно потянулась к бумагам.

Илясов отшвырнул меня от ящика с бумагами. – Ком-мунистка несчастная, – цедил он сквозь зубы, просматривая страховые квитанции на имя Иосифа Иосифовича Коско – председателя сельсовета.

Теперь я вспомнила, что на дне сундука лежит страшный, как я в тот миг подумала, компрометирующий документ – акт о передаче в вечное пользование земли крестьянам. Это был большой и красиво оформленный документ, с гербом СССР.

Перед глазами всплыли картины 30-го года, момент торжественного вручения акта руководством из Гресска первому председателю колхоза им. Свердлова на общем собрании в школе в деревне Пересельки. Я помню счастливые лица крестьян, получивших навсегда в вечное пользование землю. Но были и невеселые лица, лишившиеся больших наделов и своего кулацкого богатства. Сегодня их власть, они-то и делают теперь обыск и как захотят, так и распорядятся судьбой моей семьи.

Волнение мое меня выдавало. Рычание Илясова и ругательства полицаев доносились и до печки, где в дальний угол забились мои дети. Оттуда слышались всхлипывания.

– Напрасно поретесь и все переворачиваете, нет у нас оружия. Хозяина тоже нет, он погиб в бою под Брянском. Есть живой свидетель, он подтвердит. Спросите у Гуриновича. У него на глазах это случилось. Он живой и вернулся, а мой погиб. Гуринович так и сказал: – Ольга, гадай детей сама, Иосиф погиб у меня на глазах. Прямое попадание. Спросите у Гуриновича еще раз, он все подтвердит, – настойчиво наступала я, пользуясь тем, что здесь был Костик Сивец, он же племянник Гуриновича.

– Коммунист коммуниста всегда выручит – это мы знаем, – процедил Илясов. – Если бы не этот, и он указал на Сивца, быть бы давно и ему на том свете.

Мне было известно, что секретаря Селецкого сельсовета, тоже коммуниста, который работал совместно с моим мужем, забрали было в Гресск, откуда обычно наши люди не возвращались. Однако Сивец приложил немало сил, чтобы сохранить жизнь своему дядьке. Жена Гуриновича приходилась родной сестрой матери Костика Сивца.

Я не сомневалась, что племянник-полицай уже знал из рассказов выбравшегося из окружения своего дяди, при каких обстоятельствах погиб председатель сельсовета, которого они теперь ловят, а в его семье и доме сейчас делают обыск.

– Степан, это действительно так, – подтвердил он Илясову. Рассказывал Иван Захарович, как Коско разнесло в щепки, попала прямо в окоп мина или снаряд, но это он видел своими глазами.

Слава Богу, несчастье отодвигалось. Напрасно я боялась и за документы. Все свои личные документы: партийный билет, трудовую книжку, печать муж забрал с собой. Увез он многие документы сельсовета. Кое-что даже ценное успели погрузить на полуторку, помогал шофер Петр Лукич. Он и повел машину. Вместе уезжал и Русак и Козлюк, – работники райисполкома и другие, бывавшие у нас до войны работники Гресского района.

Напрасно я боялась, что полиция напорется на «акт о передаче земли крестьянам». Его просто в доме не было. Софья предусмотрительно спрятала его и другие документы за двойную обшивку собачьей будки.

По-прежнему тревожились за свою мать детишки. Слышали они с печки, как то в одном, то в другом месте падали вещи, как поролось и пьяно ругались полицаи. Их тихие всхлипывания перешли в плач, а затем они дружно заревели.

«... ВСЕ РЕБЯТА ПЛАКАЛИ...»

Не все полицейские были плохие. Многие из них попали в полицию неожиданно, по принуждению, у многих сложились какие-то обстоятельства. Не жестокое сердце и чуткая душа были у Анты Хурсевича. Не могли мы понять, как и почему этот человек оказался в полиции. Жена его, Ядя, учила наших малышей грамоте, всю любовь и душу отдавала детям.

Вот Анта как раз-то и обратил внимание на нестройный плаксивый хор моих встревоженных детишек, доносившийся из-за печной занавески. Взобрался на припечек, успокаивает:

– Не плачьте, детки. Мы скоро уходим. Мамка накормит вас, успокоит, сказку расскажет. Дети насторожились, что замышляет этот дядя с винтовкой?

– Любите сказки, – спрашивает.

Любим, – заговорили они, понемногу успокаиваясь. – Нам их очень хорошо умел папа рассказывать, – сказала средняя, Вера. – Одну знал такую, что ей и конца не было, – добавила она, имея в виду ту, где говорилось, что «у попа была собака, поп ее любил, она съела кусок мяса – поп ее убил...». Этим муж завершал сказку в тех случаях, когда требовалось, чтобы у детворы его угас интерес к расспросам надо отдохнуть. Они наизусть знали эту сказку.

– Нам еще наставница, Ядвига Иосифовна, книжки читала до войны, произнесла, всхлипывая, старшая, Шура, Там всякие стихотворения и песни были. Хурсевич воодушевился – Ядвига Иосифовна – его жена. Ну, ты, малышок! Не бойся, не плачь. Ну что ты знаешь?

– Мотылек, Мотылек! Чем живешь, мой дружок, вспомнил мой младшенький Вова лето и порхающих бабочек, за которыми по лугу гонялась детвора, познавшая из букваря от старших первую науку. – Вот и хорошо. Молодчина, – хвалит Анта. – А еще что знаете? – спрашивает он, приятно ему было слышать, чему учила местных детишек его красивая жена, учительница. И тут Шура продекламировала:

Сера уточка летела,
А утята крякали.

И тут Вера с Володей не подкачали:

Когда Ленин умирал,
Все ребята плакали.

Я видела, как изменился в лице Анта Хурсевич и как опасно оглянулся в сторону Илясова, а дети еще громче продолжали, видимо полагая, что за это не будут бить их маму, а им дадут гостинцы, как и при выступлениях в школе. И они продолжали:

Когда Ленин умирал,
Тогда Сталину сказал:
– Сталин родной, дорогой,
За рабочих стой горой!

Не зря говорят, чем дальше в лес, тем больше дров. Я видела, как наострил уши Илясов, поднял глаза Сивец, а бедный Хурсевич был до того растерян случившимся, что дрожащими руками никак не мог задернуть шторку на печь, а потом с трудом сполз с припечка.

– Ну что, подлец, видишь, чем набивала детские головки твоя образованная жена. Мне уже давно советовали присмотреться, кто у меня на службе, – зло шипел Илясов.

Страшно боялись этого изверга его подчиненные. Ничего ему не стоило расстрелять человека тут же на месте, что он неоднократно и проделывал. Никого не боялся этот перерожденец.

Так, это же дети, – попробовал оправдывать себя, а заодно решал и свою судьбу Анта.

– Но чем набиты головки у этих детей и чья это заслуга, – не унимался Илясов, ухватившись за главное и приближаясь к подопечному.

– Теперь будет по-другому. Наведем порядок, – пробует успокоить этого свирепого пса Анта. – Тебя же и назначили, чтобы был новый порядок.

– У меня будет другой порядок, – повторил тоже Илясов, видимо, лезть Анты пришлось ему по вкусу и он немного оттаял.

Поролись, усердствовали полицаи, но ничего так и не нашли. Двое, которые шастали по сараям и погребам, пришли с улицы. У этих тоже безуспешно. Только пылью, сеном да паутиной испачкали одежду, и сейчас вытряхивали его из воротников и откашливались.

Обыск подходил к концу, когда прибежала София. Это было некстати. Скажет что-нибудь лишнее, тогда добром не закончится это посещение полиции.

– Что они тут делают, мама?

– Обыск делают, допрашивают. Оружие ищут. Кто-то сказал, что отец будто скрывается в лесу и приходит по ночам домой, – сориентировала я дочку.

– А кто вопросы здесь задает? Комсомол или мы? – вперился в нее Илясов. За Сою я боялась, дерзкая и решительная была девчонка.

– Комсомолка, небось? – прямо поставил вопрос Илясов.

– Спросите у своей жены, – смело ответила София. Она уже знала, что Илясов оставил в деревне Роги свою старшую жену Маньку Луцевич, а сейчас вынудил жить с ним молодую и красивую комсомолку Стэфку из деревни Кошели.

Иногда такая дерзость либо усложняет дело, либо приносит неожиданную развязку. Вот и сейчас уязвила мужское достоинство эта фраза дочери о женах вооруженного до зубов начальника полиции, и он посчитал за лучшее не связываться с девчонкой в присутствии своего вооруженного отряда.

– Смотрите у меня! – сказал Илясов, уходя, и всей гурьбой они подались в соседнюю деревню, где в лавке могли кутнуть и покуражиться.

Я и без него знала, что смотреть надо в оба глаза. Судьба сводила нас с ним неоднократно. А его зловещий почерк вскоре проявился с новой силой. О нем заговорили все наши деревни. И где мог родиться такой зверь?

ДЕЛЕЖ КОЛХОЗНОГО ИМУЩЕСТВА

В марте 1942 года фашистские власти распускали наш колхоз имени Свердлова, делили наше колхозное имущество. Муж был активным участником коллективизации, одним из первых председателей этого колхоза. Население из деревень Борцы, Замошье, Храновое, Блащитник, Гурин, Ячное и других было собрано в начальной школе в деревне Пересельки. Народу пришло много, школа всех не вмещала, многие стояли на улице у открытых дверей, на крыльце, у открытых окон.

Вел собрание староста Николай Писарик, следил за порядком сам начальник полиции Степан Илясов. Были представители из Гресской управы. Что можно было ожидать от этих душегубов, ставленников фашистских властей? конечно же никакой справедливости, никакой пощады активистам и семьям коммунистов!

Первым взял слово староста Писарик и дал направление выступающим, при этом вводилась новая форма обращения.

– Граждане, господа, – начал бывший учитель, а сейчас староста волости.

– Я, конечно же, не могу защищать советскую власть. Не может быть у меня к ней никаких симпатий. Правда, советская власть дала мне образование, я стал учителем, однако родители мои раскулачены, высланы с родных мест и находятся на чужбине. Не могу забыть я этой обиды и простить большевикам... – завершил он свою речь и посмотрел на очередного выступающего, которого сам подготовил.

В таком же духе выступил и полицай Николай Губарь, которому не было еще и двадцати лет:

– После того, как моих родителей раскулачили, я попал в детдом. Никак не могу простить большевикам за своих батьков. Как мог, я всегда вредил советам и не жалею об этом. Жили мы в Клетном, сейчас переехал к дядьке Паречину в Борцы. Вступил в полицию и буду еще бороться с комуняками.

Словом завелась, закрутилась фашистская пропагандистская шарманка. К тому же объявили, что большие наделы земли и имущества колхоза получают кулацкие семьи и те, кто больше пострадал от советской власти, кто вредил ей. И тут пошло-поехало. Бывшим кулачкам и вредителям запахло жирными кусками. Некоторых потянуло выступить. Враги народа держали речи, как на духу стали выкладывать свои черные, грязные дела. Выступали и со смаком преподносили оккупантам свои преступные делишки, как в далеком прошлом, то есть еще в первые, самые трудные годы коллективизации, так и совсем недавно.

– Я поступал хитро и незаметно, – откровенничал Винцусь Немогай. – Беру добрую жменьку льняного семени и правой рукой лошадке в левое ушко, а левой – в правое. Знают конюха и любят его лошадки. Как не любить, ведь он их кормит и досматривает. Наклонят головку: почешу, хозяин, за ушком. В это время и засыпаю, льняное семя, оно скользкое, до самых перепоночек добегают. Крутит головкой миглом оглохшая лошадка, что-то живое заползло ей в уши. Мечется и бьется о стенки, через несколько дней готова – околет.

– Что же такое косит лошадей? Что за напасть такая? – недоумевает председатель колхоза Иосиф Коско.

– Менингит, поясняю ему. – Какая-то лошадиная болезнь ходит, менингитом прозывается.

Рассказывает Винцусь, старается показать оккупантам, каким он был хитрым и умным в своих темных и грязных проделках. И потом, с сожалением, продолжал: – Но подозревать стал председатель, было очень опасно, пришлось заметать следы... Но скотинки погубил много...

– Конечно, ты крепко потрудился, – подытожил Илясов.

– Получай гнедого коня, плуги, борону. Ты это заслужил.

– Весь клин на широком поле – твой, – добавил Писарик.

– Там же половина земли вымокает, низина несусветная, – недоумевает Немогай, считавший, что его «работу» оценят на большее.

– Пророешь канаву, сбросишь воду в реку Осиновку, – подытожил староста Писарик и приготовился слушать речь другого подонка.

– А я не мудрил, я поступал проще, – выпендривался за подачку оккупантов Александр Поддубицкий. – Беру прово-ринку и по пузу жеребой кобылке. Жеребеночка как и не было.

Молча переглядывались женщины. Изверги это, а не люди. При любой власти – изверги. Такой не пощадит человека.

Пожелал излить душу и Зенусь. Как же, он ведь так желал новой власти.

– Признаюсь я вам, людцы, добрые, это же я Орлика председательского в 31-м году на тот свет отправил. Только годик и пожил в колхозе бедолага. Запрягал его я в пару с битюгом Мартиновым. Крошка он против такого слона, да еще в борозду пушу и постромочки укорочу – ложится к вечеру миленький. Только годик и протянул. Чтобы знал, мерзавец, как поддерживать хозяина и колхозы организовывать. Организатор мне еще нашелся.

– Живодер, сволочь, подлец, – шептались бабы. – Бога на них нет...

Трэмче сказать они не могли. Илясов в таких случаях не церемонился. К тому же пополнялись его ряды, вскрывались новые приспешники. Протиснулся в середину помещения и Антось.

– Я не кулак, но жена моя кулачка, из-за нее я и выбился в начальники.

Новые власти назначили его уполномоченным по заготовкам, и он продолжал, распалаясь. – Если бы вы знали, что у меня творится против советской власти и большевиков вот здесь. Он постучал кулаком себе в грудь. – Это же надо подумать, тещу за Урал сослали, в кандалы одели.

Он готов был распахнуть свою грудь, чтобы показать односельчанам, какое пламя там горит и бушует.

Продажной собаке тоже были брошена очередная кость.

– Граждане, господа! А сколько я утащил зерна из кладовых колхоза! Одному только богу известно, – вспоминал опытный злодей Зенусь Софроновский. – Делал я это таким образом, что думай, – не додумаешься. Друг мой кладовщик закроет меня в амбаре, насыпаю мешочки, в закромах всего – радуйся душа. Темной ночью кладовщик откроет, перенесу мешки. Хватало и ему и мне. А с овцами, что мы проделывали, страшно вспомнить, – нахлынули воспоминания на продажного ворюгу.

Помню, подозрения имел тогда председатель на этого ворюгу. Помешала война. А сейчас он всплыл. Много покрал, а теперь козыряет этим, да побольше выклянчивает кусок у оккупантов...

Неприятный осадок остался у честных людей от участия в том собрании, от того, что довелось услышать им. Сколько, оказывается, подлых и продажных людей жило рядом. Да, не разобрались с ними в свое время и сейчас вот они юродствуют, хвалятся своими черными делами и делишками, своей продажностью и подлостью. А ведь большая часть наших сельчан были людьми трудолюбивыми и честными, жили с мозоля, и не зарились на колхозное, не разворывали, а умножали его ценой своего самоотверженного труда. Взять бы того же Петра Макея. Преданный человек, справедливый. До самого раздела колхоза был бригадиром. Да каким бригадиром! Внимательный, трудолюбивый. И сейчас, при дележе, не выдержал он такого гнусного подхода к делу, не смирился с тем, что отдельные крысы выползли из своих нор и норовят урвать побольше народного добра.

– Товарищи! Как же это так, это же непорядок, это же несправедливо! Злодеев никогда не любил народ. Мы спины гнем, по вязке сено таскаем с болота, в воде по пояс, по кочкам спотыкаемся. А вредители, видишь ли, лошадку одним махом валят, мешочки ночью тащат.

Макей до того распалился, что забыл даже с кем имеет дело. Он всегда так на собраниях до войны распекал разгильдяев. Обращение «товарищ» так свыкло с ним, что представители новых властей и полицаи подумали, не издевается ли над ними этот простой труженик.

– Товарищами нас прозываешь. Окруженцам помогаешь, проводник. В Москве обложены твои товарищи, – Илясов, сжав зубы, стал протискиваться к Макею.

– Так вот, получай за товарищей.

На Петра посыпались удары фашистского шкурника. Из носа хлынула кровь. В другом случае, такой здоровый мужчина, как Макей, скрутил бы этого бандита в бараний рог, но тот уже и за пистолетом потянулся. Тут и бабы зашикали:

– Молчи, Петрок, ни слова, их власть сейчас.

Сжал он свои пудовые трудовые кулаки, весь напрягся, сплюнул кровь. Начни сопротивляться, убьют и весь разговор. «Ничего, – подумал, сверкнув глазами, – мы еще встретимся, за все рассчитаемся».

Дошла очередь и до меня.

– А что будем делать с этой семьей? – показывая в мою сторону, спросил продавшийся немцам председатель колхоза Владик Варивончик. Накануне войны он вступил в партию, старший его сын Михаил ушел служить в полицию, а сам он был уже близок к этому. Теперь я не удивлялась ничему, а только смотрела, как перевоплощаются эти черные души. Но теперь речь уже шла обо мне, о моей семье.

Варивончик обратил внимание фашистских ставленников на меня, как будто знал, что судьба наша предрешена и лишь требуется поставить точку под решением.

– Ее мужик нас обогуливал в колхоз в 30-м году, с хуторов стягивал. Ушел с Красной Армией, угнал машины колхозного добра. Разобрали и припрятали технику. Поручил это дело своим активистам Владимиру Рухлевичу, Савелию Прановичу, Исаку Курьяновичу и его сыновьям, а те под козырек и быстрее выполнять команду, раскручивать гайки. Петра Лукича Курьяновича усадил за руль и укатили Москву защищать...

– Варивончик, вы же сами в партию вступили, на собраниях выступали, перед народом, – пыталась я образумить этого лицемера.

– Знаю, что вступал, – пробурчал, багровея, продажный шкурник. – Но сейчас уже вышел из партии, не то время.

– Мой муж тоже вышел из партии, он погиб под Брянском, защищая Родину, – в тон ему был ответ.

Люди зашептались, повернув головы в мою сторону. Многие уже прослышали от вышедшего из подполья секретаря сельсовета Ивана Захаровича Гуриновича о гибели моего мужа.

– Спросите об этом у Константина Сивца. Гуринович его дядька, он рассказал ему о гибели мужа.

Я посмотрела на полицая Сивца, который с оружием стоял недалеко от стола руководителей нового строя и порядка. Сивец как-то робко, но подтвердил эти сведения. Илясов зарычал:

– А где твой дядька? Надо, чтобы Купа и Лидерман побеседовали с ним в Греске. Надо поймать их обоих: и председателя и секретаря.

Костик Сивец что-то невнятное пробормотал в ответ, а я ждала своей участи.

– Вражескую семью коммуниста уничтожить, – вынес мне приговор Илясов.

Совершенно для меня неожиданно слово взяла Ганна Варивончик – жена Владика, поднявшего вопрос о моей участи.

– За что же семью уничтожать? За то, что мы избрали ее мужа председателем колхоза и сельсовета? Так ведь и моего мужика мы тоже избирали председателем колхоза и что же? Он

разве мешает новым властям? А Писарика разве не мы назначили старостой? Не должны погибать безвинные дети. Что они соображают эти малыши? Не в ответе они за батьков. А мужик ее уже равно сложил голову и землю парит, – заключила она.

Видать доброе сердце было у этой женщины, ее слова решили нашу судьбу.

Несколько слов добавили Клим Варивончик, Иван Корзун, Мойсей Михалевич и другие, кто первыми и охотно входили в колхозы. Сознательно и дружно они встали на мою защиту. Было понятно, что семья останется жива.

– Надо подумать, может, выселим отсюда, – вынес смягчающее предложение староста Писарик.

– Ладно! Пусть будут заложниками, – вынес окончательный приговор Илясов, уготовив нам особую роль. – По доносу муж ее где-то в лесу скрывается, возьмем всех вместе.

А что до земли, то не дадим.

– Пусть идет в Гресск к Душевскому и Лидерману. Пусть пишет прошение немецкому коменданту, – милостиво давал совет староста Писарик, зная, что из Гресска, как правило, вызванные туда, не возвращались.

На следующий день по колхозным дворам разбирали имущество. Те, кто насолил советской власти побольше, получали соответствующее вознаграждение. Хлеб, зерно, семена, лошади, плуги, бороны, повозки и другое народное добро доставалось им.

Скромным труженикам перепадало кое-что. Мне же и еще нескольким солдаткам и активисткам не досталось ничего. Кроме того, надо было мне приготовиться еще к какой-то новой роли – заложников.

В ГРЕССК ЗА ПРАВДОЙ

Глядела я со слезами на глазах на всю эту картину и сердце обливалось кровью. Как же я с малышами продержусь? Меньшего, Владика, держу за ручку. Уводят с общего двора кто коня, кто вола, а некоторым по паре лошадей досталось. Поречин взял почему-то вола, хотя Губарь подвел к нему пару лошадей. Он, полицейай, сейчас распорядился и мог удружить дядьке.

Зерно засыпалось в мешки и грузилось в повозки, Рядом со мной запрягал гнедую кобылу Михась Матусевич. Наши глаза встретились, Михась отвел взгляд и развел руками. Власть переменилась, другие времена настали, говорил его жест.

– Дяденька, дайте нам хоть этого жеребеночка, – обратился с просьбой мой малый Володя к Писарику.

Посмотрел староста Писарик на этих малышней, сначала на Володю потом на жеребенка и о чем-то задумался.

– А что же ты будешь с ним делать, – спрашивает. – Запрягать, – отвечает мой малый хозяин.

– Земли нам не дали сынок, да и запрягать жеребеночка можно будет, когда он подрастет, годика через два – успокаиваю я Володю, на глазах которого выступили слезы из-за такой несправедливости.

Посмотрел на него Писарик и снова призадумался. Противоположные чувства боролись у этого нынешнего руководителя. Видно, вспомнил он, как муж принял его в 1937 году в сельсовете, будучи председателем. Внимательно выслушал его просьбу о том, что он хочет учиться на наставника. Не упрекал за раскулаченных родителей, несмотря на молодость, вежливо называл на Вы. Похвалил его за то, что хочет дальше учиться. Выдал необходимые документы.

Судьба наша теперь была в его руках.

– Сходите в Гресск, к высшему начальству. Обратитесь к Душевскому, – порекомендовал он тоже самое, что говорил на собрании при дележе колхоза и ушел, понутив голову.

В Гресск, в самые лапы к фашистам? Это значит осиротить детей. Не выпустят, уничтожат.

– Там, конечно же, на учете семья коммуниста, председателя сельсовета. Сам не хочет наложить на них руки, пусть это сделают другие. Знают они, что нам уготовано, сами составляли списки о семьях коммунистов, активистов, руководящих советских работников. – Предупредила меня Мария Курьянович, а ей было известно от служившего в полиции Костика Сивца, что в Гресске мы есть в списках на уничтожение. Такие горькие мысли одолевали меня.

Но что делать? Как жить? Ходить по миру с торбой за куском хлеба? Нищенствовать мне никогда не приходилось, даст Бог, и не придется. Не заслужила я этого, потом своим поливая родную землю...

Все же я пошла в бывший районный центр Гресск, что за 35 километров от нашей деревни Борцы. Пошла к высшему немецкому начальству бургомистру Душевскому и коменданту Лидерману требовать земли и справедливости.

Удалось немного подъехать на повозке, везли сдавать оккупационным властям награбленное добро. Здесь было зерно, картофель, одежда, солонина.

Вызвало удивление, что везут клюкву и бруснику. Где это награбили?

Конвоировали обоз вооруженные полицаи. Многих я уже знала в лицо по засадам у моего дома, видела на собрании при роспуске колхоза и дележе народного имущества. Они охраняли порядок оккупационных властей.

Рядом шагали красноармейцы – приписники со связанным руками. Их вели на регистрацию в Гресскую комендатуру. Вернутся ли? Здесь были Быков, Лапак, Кравцов, Бордюк, Пятница, Продан, Хохлов и другие, которых я еще не знала.

Многие мне были известны, они были приписниками-примаками у наших женщин-вдов. Это для них пока являлось спасением. Мне тоже советовали выйти замуж за полицака Казика Дробыша, чтобы спасти семью. Этот доброжелательный совет давали сестры мужа, узнав о его гибели. Вон он – жених, сидит на повозке с винтовкой наперевес, с большими желтыми зубами, зорко смотрит, чтобы обреченные красноармейцы не разбежались. Такой вариант мне не подходил. Есть натуры, которые не способны подстраиваться и угождать.

Вскоре достигли Горелого Моста. Здесь остановились для отдыха. У этого моста нашими красноармейцами в прошлом году был задержан и реквизирован обоз с продпоставками. Зарождалось партизанское движение, люди брались за оружие, запасались продуктами, уходили в лес, начинало работать антифашистское подполье.

Полицаи с опаской поглядывали на лес, а я ждала, что выйдет снова отряд красноармейцев, отобьют обоз, освободят приписников, выдадут извозчикам справку с печатью что «немецким свиньям продукты не допущены». Но все было спокойно. Рядом стояла разбитая пушка. Лежала груда снарядов. Здесь были бои.

– Снарядная взрывчатка могла бы пригодиться. Не мешало бы припрятать, – вполголоса сказала я, чтобы проверить дух наших бойцов.

– Тише, баба, ты видно, хочешь болтаться на этом суку. – И они указали на удобный и толстый сосновый сук, свисающий над дорогой. – Он может выдержать пятерых.

– Оружие нужно, оно уже есть, но нет сигнала и командира, – сказал один из приписников, посмотрев в сторону полицаев, которые в хвосте обоза откупоривали бутылку самогона и закусывали салом и колбасой из немецких поставок.

– Командовать может любая баба. Главное, чтобы она была храбрая и толковая. Василиса повела отряд на французов с серпами, косами да вилами, – вспомнила я пример из истории.

Окруженцы смотрели на меня широко раскрытыми глазами. Они уже не думали, что с ними бредовая баба. Укор и наставление уловили они в этих примерах. И если бы не путы на руках, они бы немедленно рванули в спасительный лес. Но я была уверена, что они последуют совету этой «сдуревшей» бабы.

Не знали мы тогда, что все эти «приписники» будут с оружием в руках на нашей партизанской базе, возле моего дома, в урочище «Поддера». Будет и надежный, стойкий командир, которого они пока что ищут. Смерть и жизнь ходят рядом. Жизнь побеждает чаще. Но о прервратностях судьбы узнаем позже.

ОБМАН ВО БЛАГО

...Земли я все-таки добыла, хотя и пришлось обмануть оккупантов. Целых тринадцать соток озимой ржи мерили мне на бывшем колхозном поле. Это позволило нам немного продержаться.

В Гресске на маслозаводе работал по заданию свой человек Владимир Харитонович Тарасевич. Я зашла к нему за советом. Ответ его был однозначным, к Душевскому и Лидерману не ходить, так как семья в списках на уничтожение.

К тому же у кого-то из высоких начальников проходила свадьба – выдавал свою дочь, им было не до моих бед. Вскоре зашел в бухгалтерию высокий немец с бакенбардами, отдал какие-то распоряжения по поводу масла и сыра для свадьбы.

Я передала Тарасевичу сведения о его семье и родственниках, рассказала о казнях и репрессиях в Селецкой зоне. Он в свою очередь обрисовал обстановку в Гресске, численность карательного отряда, его вооружения и укрепленные точки. Дал характеристику оккупационному руководству, особенно подчеркнул зверства Шварцмана, Шараяева и Купы.

– Тебе это надо, или кому-то другому? – спросил он и внимательно посмотрел на меня.

– Кому-то другому, – был ответ. Он уже знал, что мой муж погиб, но его дело могут продолжить жена и дети, другие соратники председателя сельсовета.

Условились, что связь будем поддерживать через Валю Витко, нашу селецкую учительницу, которую мы знали, как преданную патриотку. Договорились, что после моего возвращения в Селецк следует сказать старосте Писарику, что, мол, получила разрешение на землю, но писать бумагу начальникам было некогда из-за свадьбы.

Тарасевич положил мне в узелок немного масла и сыра. Выдал справку со штампом бухгалтерии на пронос этих продуктов. Справка мне помогла при разговоре с Писариком и Паречиным. В пути она не понадобилась.

Добиралась я назад с Гресска пешком, напрямик через лес, через Вороничские болота, по кладкам, проложенным через топи, еще во времена владения князя Радивиля для охоты на глухарей.

В сумерках я добралась до деревни Сыроводное. Преодолела пешком 30 километров. Зашла к Барановским, рассказала все, передохнула и опять в путь. До дома оставалось только пять километров, но хозяева не пускали, говорили, чтобы переночевала, ведь ночь во дворе.

Я прекрасно знала эту местность. Здесь прошло мое детство и юность – пастушкой на лугах, в полях и лесах арендуемой родителями земли. Поблагодарив этих гостеприимных и добрых людей, я пошла ночью домой, к детям. Они были розданы по людям, на случай, если не вернусь. Ведь искать справедливости шла я не куда-нибудь, а к фашистам, от которых можно было ожидать чего угодно.

«Решение» оккупационных властей я передала Паречину, который был у нас бригадиром 6 лет еще до войны, а сейчас оставался на этой должности у оккупационных властей и тесно с ними сотрудничал. Этому способствовало то, что его шурина Губарь служил в полиции. В его обозе я и шла в Гресск за землей. На собрании в школе в Пересельках он был и слышал приговор моей семье: земли не дать, уничтожить или быть заложниками.

– Свихнулась баба, – шептал подвыпивший Губарь указывая собутыльникам на меня в пути. – Идет к карателям искать справедливости.

...Он же принес радостную весть, что «приписники» разбежались. Агитация не прошла даром. В полиции было много случайных, колеблющихся. Над ними тоже надо было работать.

Доложила о результатах похода в Гресск старосте Писарику, показала справку со штампом на масло и сыр. Это оказалось убедительнее, чем документ на землю, которая без пота и труда не прокормит.

Писарик «великодушно» выделил моей бедствующей семье 13 соток озимой ржи на Широкое поле. Там, где в жниво 41-го года немецкий самолет сбрасывал на наши головы листовки.

СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛЬ РУДАКОВ

Люди становятся сплоченнее, когда наступает общее горе. Прицепились фашистские власти даже к вопросу крещения детей. Нашивки решили цеплять на одежду малышам, чтобы отличить крещенные они или нет. Некрещенный, значит, растёт советский человек, или более того, коммунист. А где было крестить, церковей было мало. Половина народу возможно, и ходило некрещенными. Но люди были добрые трудолюбивые, мирные, всегда старались идти на помощь друг другу.

...Усаживает на повозку моих малышей моя братовая Мария Давыдовская, везет в церковь в Поречье крестить, чтобы избежать нашивок и преследования. Ведут службу священнослужители Рудаков и Слабухин. Вслушайтесь внимательно, люди, в их мудрые проповеди:

– Братья и сестры! Черные тучи повисли над нашей землей. Невинная кровь людская льется рекой. Огнем и мечом прокладывает себе дорогу чужеземец. Такой жестокости не выдвигал свет во все времена. Заклинаю Вас и прошу, забудьте все распри и обиды, будьте милосердны друг к другу, прощайте все грехи ближнему, в сплоченности сила людская... Да поможет Вам Бог!

В проповеди открыто не было сказано о гитлеровской Германии, но закладывалась идея противостояния насилию и порабощению. А кто если не кровожадный фашист, если не его прихлебатели издевался над мирным многострадальным народом, против кого надо было объединять силы, кому надо было противостоять, чтобы обеспечить свободу и независимость на родной земле?

Программа действий, заложенная в мудрые проповеди, для каждого из прихожан просматривалась ясно. Стоявшая рядом с амвоном девяностолетняя бабка Агрипина добавила:

– Будет бит супостат, батюшка. Никто Россию еще не ставил на колени. Страшный «пранцуз» приходил, побывал в Москве, да потом бежал не солоно хлебавши без оглядки, усеяв своими косточками наши дорожки.

Видно знала бабка от родителей, как гнали захватчиков- чужеземцев наши предки. Кто-то из толпы высказался еще прямее: «Кто с мечом к нам придет, тот от меча и погибнет».

Дело принимало митинговый оборот. Величественный поп Рудаков и его помощник Слабухин знали, что в церкви, где собралось больше сотни людей, есть и осведомители и доносчики. Постарались повернуть службу в другое русло – на крещение детей. Но сказанная ими святая проповедь основывалась на заветах Христа и оседала в душах прихожан, утверждая в них простую истину, что человек всегда должен оставаться человеком. Этому учат главные заветы христианства:

Возлюби ближнего! Не убий!

Мария Давыдовская крестила моих детей, сама была крестной матерью, а крестного отца подобрала по пути. Им стал двадцатилетний парень из деревни Пахарь Петр Шашок. Объяснила ситуацию, тот понял. Не обошлось без заминки. Пятилетний Володя при взмахе кадиллом вырвался из рук Петра и побежал к реке Птичь, добрался до осоки.

П. А. Шашок.

Поймали, принесли. Рудаков с улыбкой:

– Не ругайте, не бейте, он уже крещенный.

Все пожертвования и сборы с этой церкви шли партизанам. Народ помнит святые поведи духовных наставников-патриотов.

Родина высоко оценила патриотическую деятельность отцов-священнослужителей Поречской церкви.

Они впоследствии были награждены орденами и медалями.

Что же касается судьбы иных участников процедуры крещения моих детей, то самая ужасная участь выпала на долю крестного отца П. А. Шашка. Спустя некоторое время он стал разведчиком-партизаном, но был схвачен и зверски убит фашистами.

МУЖ НЕ ПОГИБ

У каждого из нас помимо большой общей Родины есть своя маленькая. Это место, где человек родился и вырос. Маленькая родина всегда любима, всегда памятна и нужна. Забросит судьба на юг или на запад, казалось бы, райский уголок, но нет: снятся родные места, душа тоскует, сердце подсказывает и наконец, велит – там твое место, там более всего ты нужен. И чем труднее к ней вернуться, тем сильнее ее зов. А если ты обессилен, то взор твой направлен в ту сторону, к ней...

Мой муж был переброшен в глубокий тыл, в свою родную оккупированную фашистами Белоруссию в тот период, когда советские семьи подвергались самым жестоким репрессиям, а часть из них уже погибла, когда фашистская пропаганда твердила о скорой победе над Красной Армией, когда наша страна напрягала все усилия, чтобы остановить врага, а многим уже и не верилось, что перед его вероломством можно устоять.

Сталинградской битвы еще не было, но была дана серьезная пощечина Гитлеру под Москвой. Уже была сбита спесь с фашистских вояк на подступах к столице СССР, остановлены их бронированные орды у колыбели революции – Ленинграда.

Шло лето 1942 года. Полные страха и риска дни переживали оставшиеся в оккупированной зоне Селецкого сельсовета семьи партийных и советских работников. Многих жителей кровожадные палачи расстреляли или повесили. Остальных ждала такая же участь. Отдельным семьям в виде исключения пообещали выселение из родных мест, или оставили в заложниках. Но мы не теряли присутствия духа. Оставшиеся в живых встречались, делились новостями, поддерживали друг друга, передавали сообщения с фронта...

Поздним летним вечером, в дом стоявший на опушке леса пробирался человек. Он старался быть незамеченным. Огня в доме не было. В то военное время огней старались не зажигать, чтобы не привлекать внимания незваных гостей, да и керосина не было. При необходимости выручала лучина.

Дом стоял на месте. Незнакомец воодушевился. Приблизился, заглянул в окно. Трое малышей перед топившейся печкой усердно работали ложками над большой общей миской. Их старшая сестра сутилась рядом. «Ничего подозрительного, детишки живы, но хозяйки что-то не видно» – отметил про себя пришелец и стал пробираться к входным дверям.

Почти год не был он здесь. Судьба за это время не раз бросала его на край пропасти, сполна познал он прелести фашистских милостей, но все это только закалило дух, укрепило в необходимости борьбы с захватчиками.

В полутьме он нащупал ручку и открыл дверь, тихо вошел.

– Здравствуйтесь, детки, – произнес шепотом.

– Здравствуйтесь, – несмело ответили они. Крайне настороженны были дети. Много горя перенесла за последние месяцы семья бывшего председателя сельского совета. Многое довелось пережить за этот оккупационный год.

– Где же ваша мама? Вы дома одни? – спрашивает вошедший, которому не терпелось узнать, жива ли его жена.

– Пошла к соседям, – ответила Софья.

«Кто он, этот человек, друг или враг? Что ему от нас нужно?» – думали дети. Тревожные лица были обращены к незнакомцу, ходившему по неосвещенной хате. В длинном пальто, заросший, покашливает. Не знали они, что слезы радости застлали его глаза, комок подступил к горлу, мешал говорить.

– А где ваш папка? – решил он задать и этот вопрос.

– Папа погиб на фронте, – ответили малыши. Они не узнавали отца, мешала темнота. Но так было лучше, он сам не выдавал себя.

– Я позову маму, – сообразила Софья и быстро выбежала из дома. «Это же отец, он не погиб, он пришел», – думала она по пути, узнав его по каким-то приметам.

– Мам, идем домой, – позвала она, прибежав к Жуковским. По ее лицу я поняла, что она чем-то встревожена.

– Вернулся папа, – добавила она шепотом уже во дворе соседней.

Появление моего мужа теперь, когда расправа висела над нашей семьей, и мне казалось, что я отвела беду, было неожиданным и неуместным, разрушало все мои обманные для оккупантов легенды и планы. Как же так? Ведь он же убит и похоронен под Брянском, у реки Дисны. Всем об этом известно, Гуринович подтвердил, враги успокоились – таков исход им по душе. А если он вернулся, то, видно, инвалидом.

Мысли не вмещались в моей голове. Я вошла в свою хату и обессиленная села на лавку. Слезы душили меня. Слезы радости, что хозяин жив. С другой стороны безысходность положения была налицо. Мы обречены. Завтра придут и заберут всех. Так ведь и обещал начальник полиции. Такими были первые мысли.

Но он пробрался через опасности и заслоны, значит живой и может бороться. Он с этим сюда и явился. Смерть так в борьбе. Людям нужен вожак, я в этом неоднократно убеждалась. Перебьют поодиночке. Необходимо организовываться и действовать. У нас же оружие. Много уже сделано. Мысли одна за другой неотступно следовали за ходом последних событий, подсказывали выход.

Все зависело от того, как будут спланированы первые шаги. По существу все решалось в эту ночь.

Были приняты меры предосторожности: одеялами завесили окна, коптилки не зажигали. Соня вышла на улицу наблюдать и дежурить.

Прошел лишь год, но дети не узнавали отца. Это был осунувшийся, заросший старик. Раны, контузия, слабость совершенно его изменили. Наконец и малыши поняли, что вернулся отец. Все они поочередно побывали у него на руках, ласкались, но вели себя настороженно. Трех меньших уложили в постель во второй половине дома. Предстоял тайный ответственный разговор.

– Я пришел поднимать свой народ на борьбу с врагом, говорил муж. – Хотел бы знать обстановку, какой она сложилась в последнее время. Кто нам по пути, а кто снюхался с врагом? Кто погиб? На кого, из оставшихся в живых, можно положиться?

Обстановка была сложнейшей. Враг находился со всех сторон. Помимо вступивших в полицию и открыто сотрудничавших с оккупантами, некоторые симпатизировали им и могли выдать нас в любую минуту. Но муж должен знать все.

– Дома оставаться тебе нельзя. На рассвете перейдешь в землянку в урочище «Поддера», где перед оккупацией мы кое-что припрятали. Ты эти места отлично знаешь.

«Боже мой! Кто мог подумать, что так все сложится, что наши тайники сослужат еще и такую службу», – подумала я о превратностях человеческой судьбы и начала описывать сложнейшую ситуацию.

– Из нашей деревни в полиции служит Юзик Герин, Франак Шлифтун, Виктор Курьянович – Зинин муж. Племянник Паречина – Коля Губарь, который из Клетешина, что под Пуховичами, живет здесь, и тоже в полиции. Несколько семей симпатизируют оккупантам. Сосед, который справа от нас служит у немцев по заготовкам. Который слева – работает у них кузнецом, ремонтирует оружие, шьет сбрую, подковывает лошадей полицаев и карателей. Мешаем мы ему развернуться, кивает в нашу сторону, доносы пишет, что ты не ушел с Красной Армией, а оставлен с райкомовскими работниками в лесу.

Из деревни Пересельки в полицию подался Миша Варивончик – сын Владика председателя колхоза им. Свердлова. Да и сам он прислуживает оккупантам, только еще формы не одел. И Анту Хурсевича втянули в свою черную компанию.

– Как? Неужели Владик Варивончик служит немцам? Бывший председатель колхоза и коммунист?

– Да, «бывшие» в полиции, – отвечала я с горькой иронией. – Надо было заглядывать в их черные души раньше, – хотя понимала, как это было сложно в то время и какая тяжесть у него на душе сейчас.

– И Анта там тоже? – переспросил муж. – Да! И Анта тоже.

Я понимала, чем так встревожен муж. Эти люди были активистами в период коллективизации. Жена Анты Хурсевича – учительница, братья ее – офицеры Красной Армии.

– В полиции Константин Сивец из деревни Селецк. а из других – Андрей Боровик, Дробыш, Елишевич, Тябус, Бурак, Карпович из Сыроварного и другие. Располагается полиция в здании сельсовета, а руководит этой сворой предателей – Степан Илясов. Старостой назначили Николая Марковича Писарика. Ты его знаешь. Вспомни, как давал ему документы и направлял учиться на наставника. Зверствуют, гады. Сколько уже людей погибло от их рук! Та же участь уготована и нам. Илясов неоднократно меня допрашивал, делал засады и обыски, чтобы поймать тебя, ищет оружие.

Я как могла подробно рассказала мужу о событиях, случившихся в нашем селении за время его отсутствия. О том, как на него устраивали засады полицаи, как делили имущество колхоза, как распинались отдельные подлые личности, раскрывая свои черные дела перед новой властью, чтобы урвать как можно большие куски народного добра, как ходила я хлопотать о земле, как оказались мы в положении заложников.

– И вот теперь мы служим приманкой, чтобы поймать тебя. Словом, ты пришел им прямо в руки, – с горечью в голосе произнесла я.

Он же встревожено спросил: – Так, что, никого из надежных людей не осталось?

– Наоборот, большинство наших сельчан верны советской власти и ненавидят оккупантов...

Как можно более подробно я постаралась передать мужу все подробности контактов с надежными людьми, рассказала о том, что заходил секретарь райкома Владимир Заяц, о разговоре с ним, о приписниках из числа красноармейцев окруженцев...

– А как поживает семья Николая и Стефаниды Далидовичей?

– Живы – здоровы. На них можно опереться в первую очередь. Слов нет, они обрадуются твоему приходу. Мне известно, что его сыны Георгий и Евгений совместно с Александром Кульпановичем и Виктором Макеем собирают оружие, ремонтируют в мастерской Николая Игнатъевича, а за тем прячут в лесу в тайниках. Но чем больше людей будет знать о твоём возвращении, тем больше риска семье.

– Пока не связывай ни с кем, кроме Константина Варивончика и Николая Далидовича. В Блащитник пойдет Софья, а в Кошели придется идти тебе самой.

Приближалось утро, Иосифу нужно было затемно уходить в лес. Но мне не терпелось рассказать о зверствах карателей.

– Гарнизоны их расположены со всех сторон: в Греске, Шищицах, Шацке, Буде-Греской, Слуцке, Щитковичах. Они проводят регулярные рейды. Спасаясь от расстрела, несколько еврейских семей убежали из Шацка в нашу местность и жили в смолокурне. Однако и здесь группа карателей с овчарками обнаружила и уничтожила всех. Детишек живыми бросали в колодец, смолу и деготь. Двое подростков спрятались в лесу, затем, спасаясь, ушли в направлении Мижилица. Но там их перехватил полицай Константин Елишевич...

Вошла Софья, все время стоявшая в укрытии возле дома, чтобы не прошел, кто незванный, сказала:

– Папа, светает, надо уходить.

Они вместе ушли в близлежащий лесной массив «Поддера». Там еще до прихода оккупантов были оборудованы землянки и хранилища, где успели кое-что припрятать из колхозного добра.

Раньше я не тревожилась за мужа – это был опытнейший следопыт, страстный охотник и любитель природы. Страсть эта доходила порой до самозабвения. Действительно говорят: охота пуще неволи.

Это было рано утром зимой 1938 года. Стоял морозец. Я попросила мужа разрубить небольшой смолистый корчик для подтопки печи. Муж вышел налегке, в рубашке и сапогах на босую ногу.

– Что же ты так, оденься, – упрекнула я его, – ведь морозец стоит славный.

– Я мигом, – отвечает.

Работы было действительно на несколько минут. И тут надо же было такому случиться, что его гончак Бушуй прямо за хатой прихватил свежий след мышковавшей лисицы.

Сердце моего заядлого охотника, конечно же, дрогнуло. Не переобуваясь, в легкой одежде, лишь прихватив ружье и несколько патронов, побежал он на лай своего верного лисогона.

Но лисица, – не заяц, она уходит по прямой на десятки километров, увозя за собой и собак и охотников.

Щепок нарубила я сама. Какая же из жен охотников не знает о страсти преследования, характерной для их мужей.

Хотя у охотников зачастую, как в пословице: «дым густой, а

обед пустой», но на сей раз ему повезло. Вернулся лишь к обеду, но такой красивой красной лисицы я раньше не видела. – Ноги то отморожены, – беспокоилась я.

Н. И. Далидович

– Ничего подобного. В сапогах заячьи стельки, я был все время в движении, – успокоил охотник.

И действительно, тогда все обошлось благополучно. Сейчас же он уходил в лес контуженный, не оправившийся от ран и заметно ослабленный.

Утром София направилась в Блащитник к Николаю Далидовичу с сообщением о прибытии отца и просьбой о срочной встрече. До Блащитника было три километра и я, не дождавшись результатов, в Кошели не пошла.

С. И. Далидович

Надо ли говорить, как Николай с женой обрадовались этой весте...

Это была надежная советская семья. Еще до войны, будучи председателем колхоза имени Свердлова, Иосиф пригласил Николая к себе кузнецом-механиком из другого района.

Золотые руки были у этого человека. Оборудованная им полуподземная из бетонных блоков кузница стала настоящей мастерской. Все собиралось его кропотливым трудом. А какой порядок был у него. Как ценил он и оберегал свои инструменты, приобщая к делу сыновей – подростков.

Большую помощь оказывал он руководителям колхозного движения в период коллективизации. Техники в колхозах было мало. Плуги, бороны, лопаты, мотыги и все, что можно сделать из металла, делалась его руками. Дает осечку ружье – бегут охотники к Николаю. Заменит пружину – бьет безотказно.

Вот и в условиях подпольно-партизанской работы золотые руки мастера-кузнеца не будут лишними, поскольку патриотам понадобится оружие, а многие из собранных в местах сражений винтовки и автоматы имеют повреждения и требуют ремонта. Вот здесь без мастера-оружейника не обойтись. Именно об этой роли Николая Далидовича и хотел поговорить с ним И. И. Коско. Были и другие предпосылки для этой встречи: Николай Далидович, Николай Корзун, Виктор Варивончик, Макей и другие прошли боевую подготовку, будучи призванными в Красную Армию в период освобождения Западной Белоруссии и в финскую компанию. Это были обстрелянные, опытные воины, как оказалось, на время сменившие оружие на мирный труд.

Вскоре Николай Далидович пришел в наш дом. С собой принес секач и лопату, что было очень кстати, поскольку ко мне зашла соседка, имевшая длинный язык. Все выглядело так, как будто кузнец выполнил и доставил мой заказ. После ухода соседки дочь отвела Николая на встречу с Иосифом в лесную землянку. Тревожной и радостной была эта встреча...

ВРЕМЯ ДЕЙСТВОВАТЬ

– Да, браток, сложное время мы переживаем. Зверствуют фашисты, истребляют хороших и честных людей. Насаждают предателей и подхалимов. Кто бы думал, что мне надо будет опасаться Есипа или Антося. Первый – осведомитель у карателей, а второй – уполномоченный по заготовкам. Брат жены Есипа – комендантом у немцев. Следят за каждый шаг, каждым словом, – говорил Далидович.

– Здесь, ведь, благодаря Гуриновичу, все в подробностях знают о твоей гибели. Сам скрывается, говорят в Токовище, на родину подался, где меньше знают, что коммунист и советский руководитель. Это недалеко от Слуцка. При необходимости можно будет вызвать сюда... Но это потом, сейчас же расскажи, как все с тобой было на самом деле.

– Ранение и контузия были очень тяжелыми. Санитары подбирали раненых и убитых. Смотрели в одежде документы. Со мной был партбилет, трудовая книжка и печать сельсовета. Я еще подавал признаки жизни. Пришел я в себя в военном госпитале в городе Энгельсе, это по ту сторону Волги, лежал и лечился там семь месяцев. О том, как возвращался, расскажу в другой раз, – прервал тяжелые для себя воспоминания Иосиф.

Николай перевел разговор на другую тему.

– Врага люди ненавидят. У многих есть запрятанное оружие. Надо поднимать народ. За тобой пойдут. Оружия в лесах оставлено много, правда, оно разукомплектовано. Но ты же знаешь, что для меня это не проблема. Собирают мои Жора с Женей. Помогают Апанасовы хлопцы, Шура и Тоник, а также Витя Макеев. Конечно, дело это очень опасное, приказ каратели развесили везде о расстреле за хранение оружия. Все мы делаем абсолютно скрытно. Я сделал хлопцам несколько багров и две «кошки». В реке Осиновка они выудили пять винтовок и два автомата. Там уйма оружия. Полиции из Зорьки и Ветеревич едва не застали их за этим занятием. Но хлопцы ушлые, сделали вид, что вылавливают плавающие в реке бревна. Правда, Илясов – главарь полиции – заподозрил что-то. Заходит часто в кузницу, а однажды даже раскаленным прутом из горна поводил перед носом.

Смотри, мол, за оружие очень жаркую баньку устроим. Видно прослышал, подлец, что хлопцы за гумном испробовали работу автомата и винтовок после ремонта и смазки.

– Скажи, Николай, мост через реку Осиновку целый и невредимый? Да, стоит. А что?

– Надо его уничтожить. Ведь ты же сам говоришь, что полиция из Зорьки и Ветеревич заглядывают в наши места. Ольга рассказывала, как каратели из Шацка погубили в смолокурне еврейские семьи. Надо обезопасить подход с той стороны. Сжечь мост.

– Мы это устроим, – четко ответил Николай.

– Важно связаться с надежными людьми из Селецка, – продолжал Иосиф Иосифович. – Там центр, полиция располагается в здании сельсовета. Ею руководит опытный военный, к сожалению предавшийся фашистам, Степан Илясов. Надо обыграть фашиста. Вы говорите, что многие активисты и красноармейцы-приписники прячутся и ждут удобного случая, чтобы взяться за оружие. Это время как раз и настало. Жаль, нет в живых сыновей Исака Курьяновича. Этих можно было сразу в бой. – Кстати, живы ли Яковицкие?

– Живы, но их разыскивает полиция. Жену Владимира Яковицкого схватили, погнали в Германию. Троих малышей Владимир вывез к родственникам и сам тоже скрывается, – разъяснил Николай и твердо добавил, – через несколько дней Яковицкие будут у тебя.

– Прощу, Николай Игнатьевич, надо опередить предателей, доставь ко мне Яковицких. Рассказывала мне Ольга с дочкой, как этот Илясов зверствовал и собственноручно пытал красноармейцев, жестоко расправился с ними. Знают его кровавый почерк люди. Обыграть фашиста срочнейшим образом.

Николай Игнатьевич понял всю остроту сложившийся обстоятельств, тепло попрощался и ушел устанавливать связи, искать и выводить на бывшего председателя нужных и надежных людей...

Эта ночь все перевернула во мне. Я принесла продукты и присутствовала при разговоре мужа с Николаем Далидовичем.

Ночью хозяйина накормить я не смогла. Разговор был, прежде всего, об опасности и окружающей обстановке. Сейчас я знала, как он выжил. Тысячи километров преодолел, чтобы попасть сюда.

Где эта Волга, Саратов и Энгельс? А он здесь. Догадывалась о его пути, полном риска и самопожертвования. Но особенно чувствовался его укор, что люди гибнут, но не дают сдачи фашистам. Имея оружие, сидят в подвалах, погребах и ямах – скрываются. Гибнут кадровые военные, активисты, коммунисты и комсомольцы. За что? Собраться в крепкий кулак и дать отпор кровавым захватчикам.

Казалось, этот упрек адресовался мне и моим детям, которых он пришел выручать и защищать в глубоком тылу. Можно было понимать, что творилось у него на душе. Сердце его пылало и куда-то рвалось. Своего мужа я понимала с полуслова. Взгляды наши совпадали во всем. Это был сформировавшийся коммунист. Рядом с ним, в душе, я была такой же. Я любила своего мужа – стойкого борца и патриота. Не помнил он, что через пару дней ему исполнится сорок лет...

Пододвинула продукты, заставила есть, но он не прикоснулся. Ему нужны были действия – немедленные.

Знали мы с дочерью, что надо делать в первую очередь. Я сказала мужу, что отлучусь к детям, будем скоро здесь. Соне сказала, чтобы шла в «Остров» и принесла оружие. Сама ушла к муравейнику. Там было его ружье, патронташ и боеприпасы.

...За истекший год крупные коричневые муравьи подняли свой большой холм еще на полметра. Несмотря на людские беды, жизнь здесь шла своим чередом. Одни таскали лесные иголки, листья, кору, строили свои комнаты, лабиринты и залы. Другие тащили провизию: козявок, мошек, растительную пищу, а если груз был непосильным – бросались на помощь друг другу.

Муравьи дружно встали на защиту своего дома. Засуетились, забегали. Какая сплоченность. Вот бы так и нам, людям. Страшно и жалко этих тружеников, но я взяла длинную палку и разгребла муравейник. Показалось ружье в чехле, патронташ, банки и коробки с порохом и боеприпасами. Спасибо вам, наши спутники, за помощь и защиту.

Муравейнику придала прежний вид, обсыпала, заострила. Пусть простят меня эти насекомые – защитники своего дома, леса и нашего здоровья. У вас много чему можно поучиться. Простите мое вторжение в ваш дом, оно было вынужденным и необходимым.

...«Остров», где были красноармейцы-окруженцы и их тайник, находился недалеко, в километре за домом Анны Давыдовской. Рядом кустарник из ольхи, лужайка и затем он, этот небольшой кустарниковый массив. Заросли крушины, лозы, малины и крапивы. Островом он назывался потому, что кругом него был луг и пашня.

С восточной стороны острова находилась деревня Храновое, с южной – сосновый лес, за ним на поляне – деревня Замошье, а с западной – урочище Смоловое, где мы с родителями арендовали землю накануне революции.

Софья не появлялась, возможно, не могла найти тайник с оружием. А он был рядом с большой дуплистой осиной, которая возвышалась по-прежнему из кустарника. Ружья и боеприпасы я положила недалеко от землянки под лапки густой елочки и пошла на помощь Софии.

Она уже разбросала поросшую крапивой большую кучу хвороста и добралась до плащ-палатки. В нее были завернуты два автомата, пять круглых автоматных дисков, три винтовки. В сумках находились винтовочные патроны, две гранаты и пистолет. Все это мы завернули в принесенные Софией постилки, переложили хворостом и травой на случай встречи с каким-либо путником в лесу. Взвалили котомки на плечи и направились к землянке. Открытыми местами не шли, старались двигаться кустарниками и опушками.

Груз был тяжелый и необычный для нас. Боялись, чтобы за спиной не взорвались гранаты. Мы еще тогда не знали, как пользоваться этим боевым оружием. Красноармейцы-окруженцы нам кое-что рассказывали и разъясняли, но этих уроков было недостаточно.

Маскировку сделали неплохую, но за спиной из котомки, нет-нет да и выскальзывали длинные стволы винтовок. Карателей и полиции в лесу не могло быть, они боялись леса. Мог повстречаться лишь грибник, ягожник, лесоруб или пастух.

Летнее утро было солнечным и веселым. Гомон и пение птиц разносились по лесу нескончаемым хороводом, настраивали на мирный лад. Под ногами попадалась зрелая земляника и черника. Наклониться было невозможно – за спиной груз. Шла молча.

– Чем мы занимаемся, дочка?

– Что поделаешь, мама, такое время, – по-взрослому отвечает она. – Народ сражается. Возможно те красноармейцы теперь в бою, а может и не добрались – сложили головы.

Подожли к землянке. Дали условный стук по дереву. Получили ответный сигнал. Через узкий лаз пролезли в землянку и выложили на топчан содержимое наших нош. На топчане был целый арсенал – автоматы, винтовки, гранаты, пистолет, патроны. Рядом лежала целехоньякая знакомая двустволка мужа.

– Это тебе подарок к твоему сорокалетию, – произнесли мы с дочерью. Пусть бьют метко и безотказно фашистского зверя, – добавила она с комсомольским задором. Наш командир, муж и отец стоял ошеломленный посреди землянки. Не мог произнести ни слова, смотрел то на нас, то на оружие. В глазах блестели слезы, на бледном лице стал проявляться румянец. Поочередно он обнял и расцеловал своих помощниц. Только такой подарок был самым необходимым и самым ценным в данный момент. Главное – вселял уверенность. Враг уже не застанет врасплох.

Ничего, появится у тебя и аппетит, поправим твое здоровье, весь сельсовет приведем в лес, – обдумывала я очередной план похода в Селецк к фельдшеру Лешуку и знакомым вдовам-солдаткам. Иосиф Иосифович прервал размышления. Взгляд на ружье, которое я постаралась сохранить в это трудное время, вернул его к довоенным воспоминаниям.

Это было в 1938 году. Он тогда работал председателем сельсовета. У нас уже были три дочери: Соня, Шура, Вера. За Соней появились два мальчика, но умерли, что Иосиф воспринял очень болезненно. Была договоренность и условие – если появится мальчик, отмечаем это обоюдными подарками. Мальчик родился 25 августа 1938 года, назвали Владимиром. Мне купили ручную швейную машину подольского производства, а ему тульскую двустволку, шестнадцатого калибра. Удачная была «ломанка», меткая, добычливая. Охотник берег ее и не расставался, как и со своим гончаком, убитым полицией Бушуем.

– Помнишь, Ольга, как однажды, еще до войны, ты разрешила один спор мужиков, да и посрамила некоторых. Спорили тогда, что ты не сможешь попасть в цель, боишься выстрела. В случае промаха надо было отдать зайца, который болтался у меня за спиной после удачной охоты. Семка Макеев даже шапку новую повесил на столбик забора. Отмерили сорок метров. Считали, что после выстрела бросишь ружье или свалишься от отдачи в плечо. Ничего подобного. Переломила ружье, заложила в стволы патроны с дробью нулевкой. Прицелилась, выстрелила дуплетом. Ключья полетели с шапки, двадцать пять сквозных дырок от дробин насчитали мы в шапке. Годилась она только воронам на гнездо.

– А сколько тогда вы выпили по этому поводу? – вставила я, замечая, что к мужу возвращается охотничий задор и добрые воспоминания. Это все было необходимо.

София стояла на посту, рядом под елочкой. Я позвала ее. Иосиф хотел обучить нас обращению с оружием. Подход был таким же, как и с ружьем. Приклад к плечу, прицеливание на мушку, такой же спусковой крючок. Единственно работа с затвором. В винтовке после каждого выстрела, надо было отводить затвор и заново досылать патрон. В автомате все делалось механически: стрельба – обратный взвод – стрельба. Это если очередью. Можно было делать и одиночные выстрелы. С пистолетом проще. Граната – выдернуть чеку. Азы получены. Горе всему научит.

ПЕРВЫЕ БОЙЦЫ В ЛАГЕРЕ

Оружие у нас уже есть, срочно нужны были бойцы. Попутно надо было решать вопрос медикаментов. Война сделала свое дело. Раненые требовали ухода и лечения. Муж нуждался в лекарствах. Контузия и осколочные ранения в грудь давали о себе знать. Природные лекарственные средства, которыми помогали выходившим из окружения раненым бойцам, имелись в достатке. Но нужен был квалифицированный совет и консультация. Это мог сделать лишь единственный у нас в сельсовете фельдшер Иван Рыгорович Лешук. Необходимо были срочно идти в центр, в Селецк. Он проживал рядом с сельсоветом, а сейчас волосной управой, где разместилась полиция. Но обстоятельства требовали немедленных действий.

Ивану Рыгоровичу Лешуку верили все. Это был преданный советской власти человек. Большую жизнь прожил он. Участник первой мировой войны. В ту войну у него погибла маленькая дочь. Несчастья ходили за его семьей по пятам. Незадолго до войны кто-то зацепился телегой за забор, который обрушился и задушил игравшего рядом меньшего сынишку.

Ничего хорошего не сулили ему новые порядки, установленные фашистами. Старший сын Лешука был женат на учительнице Ольге – еврейке. Как только пришли немцы сын и невестка, опасаясь за свою жизнь, вынуждены были покинуть родные места. С дедушкой осталась лишь малолетняя внучка. Жизни не давали Ивану Рыгоровичу фашисты и их прихвостни за эту малышку.

Однажды они заявили к фельдшеру. Дедушка Лешук спрятал внучку себе за спину и грозно прокричал:

– Стреляйте, гады, но только прострелив меня, вы убьете ее.

Выпалил все, что думал, и попал в точку. Полицаи ступевались от такого резкого выпада и опустили оружие. Видимо, подумали они о том, что, возможно, самим придется обращаться за помощью к единственному в нашей местности врачу. Не осуществили своих подлых намерений, ушли посрамленные.

Но предатели сраму не имеют. К этому верному человеку я пришла за советом и помощью. Ивану Рыгоровичу призналась, что из-за линии фронта вернулся мой муж. Рассказала, что он ранен и контужен. Лечился долго в городе Энгельсе, на Кавказе... Однако ранение в грудь дает себя знать, но...

Иван Рыгорович понял все сразу:

– От меня ничего не скрывай. Поступила правильно, что пришла. Его я тоже понимаю. Берегись вон тех гадов, и он указал на полицейский участок и арку, которую новая власть переоборудовала под виселицу. Через окно хорошо видны были лица дежуривших возле управы полицаев.

– Все поручения и просьбы ваши будут выполнены. Передавай поклон нашему председателю и командиру. Никаких стеснений и условностей в нашем деле. Я отзовусь на любой ваш сигнал.

Впоследствии мы убедились, какой это был мудрый и высокопатриотичный человек. Сколько он помощи оказал раненым и обмороженным партизанам и подпольщикам. Теперь же он тщательно упаковывал в коробки медикаменты. Все было связано моим платком.

– Не попадайся на глаза шайке Илясова, – напутствовал он меня. – При необходимости я сам навещу Иосифа Иосифовича. Но пока это делать нам нельзя. Посещение фельдшера-врача ясно указывает на болезнь или ранение. Во всяком случае, сразу возникает вопрос: к кому привозили, или приходил врач?

С теплым чувством благодарности я уходила от этого человека. Надежный и преданный своей Родине, он до конца войны помогал народным мстителям.

Наступали сумерки. На улице мне повстречалась Мария Флориановна Курьянович. О плохом думать не хотелось. Я хорошо знала эту красивую молодую женщину, слышала о трагедии, связанной с ее семьей и близкими родственниками.

По всем окрестным поселкам разнеслась страшная весть о том, как фашисты жестоко расправились с ее мужем, братьями, отцом и другими односельчанами за то, что они были активистами, принимали в свое время активное участие в установлении Советской власти. А теперь, в период оккупации, повели агитационную и подпольную борьбу против фашистов.

Да и сама Мария Флориановна была депутатом сельского совета перед войной, вела с подругой – учительницей Валентиной Витко культмассовую работу.

М. Ф. Курьянович

Я абсолютно доверяла Марии. Встреча, как нельзя, была кстати. В свое время она сама прибежала ко мне в Борцы, предупредила, что семья внесена в списки на уничтожение.

Муж Марии Курьянович, Степан Исакович, работал в колхозе бригадиром. В 1939 году был мобилизован в Красную Армию для освобождения Западной Белоруссии.

В. П. Витко.

Выполнив свой долг, в 1940 году снова вернулся домой и продолжал работать в той же должности в колхозе «Профинтерн». Был активистом сельсовета, агитатором и массовиком. Жизнь налаживалась, укреплялось хозяйство колхоза. Однако все разрушило нашествие гитлеровцев.

В первые месяцы войны из Западной Белоруссии прибыли однополчане Степана – Георгий Титов и Николай Хохлов. Решено было оставить их здесь, в оккупированной врагом зоне, в этой надежной семье. Это было большим риском для всех. Подняли головы враги народа, зверствовали каратели и полиция. Эта семья, как и многие другие преданные советской власти семьи, не теряли надежды на скорое освобождение, задумывались, как бороться с врагом в трудных условиях тыла.

Люди стали не так откровенны друг с другом, опасались предательства и провокаций. Новые власти сеяли рознь и доносы, натравливали друг на друга и пожинали свои кровавые результаты.

Поднялись на борьбу сыны Исака Курьяновича, но погибли все, убит их отец.

Обо всем этом молва шла из деревни в деревню, но деталей, конечно же, никто не знал. Известны они были только Марии Флориановне. И вот я встретила с ней. Надо использовать эту встречу, чтобы узнать все подробно.

– Зайдем, Волечка, ко мне, – пригласила Мария, прервав мои мысли.

В доме Курьяновичей я кратко ввела Марию в курс дела, рассказала об Иосифе Иосифовиче, о том, как он остался жив и с какой задачей направлен сюда.

– Слава богу, слава богу, – произнесла она. – Если бы он прибыл раньше, возможно и мои остались бы живы, ушли бы в лес. Не было командира и организатора. Да и о нем же все твердили, что убит. У Гуриновича – секретаря сельсовета, как будто, на глазах все это случилось.

– Вот так бывает, Марийка! – Все что смогла ответить ей.

Я не жалела, что зашла к ней домой. Кому как не людям, над которыми нависла угроза гибели, можно было довериться друг другу. Мария мне многое поведала. Стало более понятно, откуда ждать врага, кто чем дышит, в ком маскируется подленькая черная душонка. Эту задачу и ставил Иосиф.

– Очень часто в моем доме собирались надежные односельчане – единомышленники. Делились новостями с фронта, разоблачали пропаганду фашистов и намерения полиции, – рассказывала Мария сквозь слезы.

– Приходили часто Исак Степанович Курьянович – мой тесть, Савелий Андреевич Пранович, Апанас Степанович Курьянович, Иосиф Маркович Стром, Петр Исакович Курьянович, Владимир и Змитер Яковицкие, многие другие односельчане. Немало фронтовых сведений приносил брат моего мужа Петр, работавший на почте. Он больше общался с людьми и знал о чем толкует и думает народ.

Когда они собирались, мне поручали дежурить во дворе, чтобы неожиданно не нагрянула полиция: Из их разговора мне стало понятно, что тракторист Владимир Рухлевич имеет приемник, слушает где-то в тайнике сообщения из Москвы, помечает все эти сводки на бумаге, а потом у нас и обмениваются сообщениями.

С. А. Пранович.

– Помнишь Ольга, как я предупреждала тебя и другие семьи, что в Гресск переданы списки многих семей, намеченных на уничтожение?

Это все Константин Сивец нам рассказал, он еще тогда как-то не сильно втянулся в дела полицейские. Вместе с Никонором все время агитировали моего Степана вступить в полицию.

Но тот, как всегда, оборвал напрямую, мол, фашист будет бит наверняка, а холуи его тоже получают по морде. Вначале Сивцов мы особо не опасались, многими своими замыслами они делились с нами. Однако Степан мой скоро забеспокоился. Полиции стало известно, что у нас собираются люди на сходки, о наших откровенных симпатиях советской власти, разоблачениях брехни о падении Москвы и разгроме Красной Армии. О таких вещах в наше время открыто говорить нельзя.

Когда стало известно о грозящей нам опасности, мужчины собрались и договорились запастись оружием и уходить в лес, чтобы бороться с оккупантами. Просачивались слухи, что

за деревней Ямное встречаются группы вооруженных людей, были уже нападения и стычки с фашистами и полициями. Особенно воодушевила всех и радостно была встречена весть, что немец остановлен под Москвой, а затем и отброшен от столицы. Как-то приходит Степан в хорошем настроении и говорит, что фашиста надо бить и бить беспощадно с оружием в руках. Словами и агитацией его не проймешь. Он попросил подготовить теплую одежду и продукты. Оружие в них уже было. Однажды, в начале декабря 1941 года муж вместе с Николаем Хохловым вечером принесли две винтовки, автомат, гранаты и много патронов. Спрятали все это в сарае.

Ты знаешь, Ольга, какое тревожное предчувствие меня охватило. Беспокоилась особенно за малышей. Дине только два годика, а Витьке – четыре. Хозяйка начала плакать, я как могла старалась успокоить. – А тут к тому же к нам несколько раз наведался Никонор Сивец. Он осведомитель у полиции. Мои предчувствия еще больше усилились.

Через несколько дней, среди ночи, к нам врываются несколько карателей, прибывших из Гресска. Они скрутили мужу руки, допрашивали и избивали. Но ничего не добились. Увели с собой в полицейский участок. Вместе со Степаном в ту ночь были арестованы и расстреляны во дворе сельсовета Исак Курьянович, Апанас Курьянович, Петр Курьянович, Иосиф Стром, Дмитрий Яковицкий и другие. Не успели уйти в лес. Вот так я и потеряла сразу всех своих родственников и близких людей. Как это они меня в живых оставили? Дети страшно кричали, когда забирали их отца. Они уже понимали, что сделают с ним эти изуверы.

– О прибытии Иосифа, никому ни слова, за коммунистами они охотятся особо, – напутствовала Мария.

– Ему нужны надежные люди. Намерен разгромить полицию и вытурить их отсюда. С этим заданием я пришла сюда.

– Надо связать с ним Хохлова. Иначе погибнет, – говорит Мария. – Это надежный человек, военный. Через каждые две недели надо ходить отмечаться в Гресск. Когда-нибудь оттуда не вернется, как не вернулись и многие приписники. После гибели Степана, он остался у меня за хозяина. Это пока спасает. Но сколько можно прятаться?

Обо всем, что рассказывала эта, сполна хлебнувшая горя женщина, молва доходила до нас. Что касается Хохлова, то бывший военнослужащий, да еще с оружием – это то, что нужно. С голыми руками фашиста не одолеешь. Условились с Марией, что она завтра ночью придет в наш лагерь вместе с Хохловым.

– Может сейчас завернем и укутаем оружие и понесем вместе, чтобы поверил и принял к себе? – предложила хозяйка.

– Ты что? Сейчас полицаи шастают везде. Сивец и Писарик уже, может, подсматривают через забор за твоим домом. Сама говоришь, что губит неосторожность. Гранаты тоже в сене? Можешь с ними обращаться?

– Боюсь до них дотрагиваться. Нас этому не учили. Но жизнь и горе научит. Вот-вот придет Хохлов, он всегда приходит в это время. Стрелки показывали половину двенадцатого.

Вскоре появился Николай Хохлов. Красивый молодой мужчина, одетый в старую крестьянскую одежду. Но где тогда можно было раздобыть лучшее. Николаю мы вкратце объяснили суть дела. Ясно, что он бесконечно был рад о начале каких-то конкретных действий. Сколько же можно прятаться, ходить на цыпочках, говорить шепотом. Чувствовалось, что это военный человек. При этом он высказал много дельных предложений. Через несколько минут он сбегал в сарай и принес четыре гранаты.

– Возьму с собой две гранаты. Путь мой будет через лес, напрямик, через Смоловое. Этим путем завтра направляйтесь и вы вдвоем. Ближе и безопаснее.

Гранаты положили в платок рядом с лекарствами. Обернули тряпками, чтобы не звякали и не выдали, в случае нежелательной встречи с фашистами или их подпечалами. А если все же встретятся, да станут разворачивать, узелок, то я уже знала, как выдерживать кольцо...

В землянку к мужу добралась только в час ночи. Здесь была и дочь. Она что-то записывала под диктовку при свете коптилки.

– Завтра будут здесь первые бойцы, – доложила я командиру и положила медикаменты, гранаты.

Можно было видеть, какими глазами смотрел на все это наш муж, отец и руководитель. Тревога, восторг, благодарность читались в его взгляде.

– Первые шаги делаете вы, женщины, остальное за нами. Найти друг друга и организовать – это было самым главным.

...Дома оставались без присмотра дети. Главное, чтобы не сказали незнакомцу и даже своим лишнее, чтобы не проболтались. Полагались на старшую Шуру. Ей уже было девять лет...

.. Мария Курьянович и Николай Хохлов следующим вечером были в нашем лагере. С оружием. В лес повела Мария. Она знала эти места. В первые дни войны прятала в ямах и землянках с погибшим мужем и родней колхозное добро. Но разве можно сохранить длительно в земле зерно, крупу, муку, сахар? Их надо использовать или периодически проветривать. Но запасы пока служили нам, а главное – землянки. Кто знал тогда, что тайники, землянки, погреба сослужат нам сейчас другую службу.

В землянке дымила коптилка. Мужу понравился Хохлов, это был хорошо обученный кадровый военный. Четко и ясно отвечал на вопросы. Прибыл с оружием и был готов выполнить любое боевое задание.

Из мешков достали провизию. Хохлов развернул и положил на топчан автомат и две винтовки. В вещмешке были гранаты, диски, патроны. Мария достала две круглые буханки хлеба своей выпечки, сало, колбасу и круглую галушку масла. Видно, последние запасы – бойцу в дорогу. Вынула из сумки шерстяное самотканое одеяло в черно-белую клетку. Хохлов достал миску, ложку, нож. Полная экипировка. Но главное – оружие и руки бойца...

Следовало оборудовать вторую землянку. Она была рядом. Завтра еще пополнение прибывает. Мария и Николай ушли обустриваться. Нужны были топоры и пилы, чугушки и кастрюли. Без этого не обойтись в лесном быту. В лесу не стучать, не рубить, не шуметь – пока было такое условие.

С Марией договорились о легенде, если кто спросит, то ее приписник ушел в лесничество «Жилин Брод» договориться о заготовке сена и дров. Ей же, «хохлушке» (такая кличка за ней осталась до конца войны), поручалось следить за полицией, устанавливать связи, готовить к переводу остальных красноармейцев-приписников и оставшихся в живых активистов.

ТАНКИСТ ПАВЕЛ БЫКОВ

Следовало как можно быстрее установить связь с оставшимися в окружении красноармейцами-приписниками. После неоднократных вызовов в Гресскую комендатуру ряды их заметно таяли. Фашисты допрашивали их, истязали, расстреливали.

Знала я, что у Мирона Курьяновича из деревни Обчее, сыны которого служили в Красной Армии, остался бывший красноармеец Павел Быков. Однако, поскольку эта семья у фашистских властей состояла в списке неблагонадежных, Быков перешел жить к Анне Петровне Курьянович – словом, остался в примах, что в то время для попавших в окружение красноармейцев было обычным явлением. В определенной мере это отводило подозрения и от Быкова, который после одного из вызовов в Гресск едва ли не поплатился жизнью. Чудом удалось ему уйти живым из немецкой комендатуры.

По оценке Марии Курьянович и Николая Хохлова это был надежный человек, его можно смело привлекать к участию в предстоящей борьбе. Было решено организовать встречу

И. И. Коско с Быковым.

Через неделю после посещения фельдшера Лешука, мне необходимо было снова отправиться в Селецк, чтобы через Анну Петровну Курьянович (жену Быкова) связаться с бывшим танкистом. Идти мне прямо в ее дом в деревне Обчее было делом и рискованным и необдуманным, поскольку, довелось бы идти мимо здания волостной полиции.

Кроме того, недалеко от дома, где остался в «приписниках» Павел Быков, проживала семья полицаев Андрея и Николая Боровиков и других неблагонадежных людей. На глаза им лишний раз попадать не следовало, ибо этим головорезам ничего не стоило расстрелять или повесить любого сельского активиста, а жену коммуниста и председателя сельсовета, за которым охотились, и по давню.

Поэтому я первоначально решила навестить Марийку Курьянович. Надо признаться, что всякие хождения в то время по гостям и родственникам были редкостью, а значит, и мои визиты могли навести на размышления полицаев. Это я учитывала тоже. Мне повезло, Марийка была дома и пропалывала грядки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.